

Ў истоков Руси

Олег Яковлев

Ольговичи

У истоков Руси

Олег Яковлев

Ольговичи

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2)

Яковлев О. И.

Ольговичи / О. И. Яковлев — «ВЕЧЕ», 2026 — (У истоков Руси)

ISBN 978-5-4484-5912-2

Русь XII века. Князь Олег Святославич, участник множества усобиц и раздоров, под конец жизни мирно правит в Северной земле. Но не по своей воле он стал миролюбивым. Вынудил его к этому Владимир Мономах, которому Олег Святославич проиграл войну за златой престол киевский. Сыновья вздорного князя – братья Ольговичи – покорны Мономаху по той же причине: видят, что на его стороне сила. Но не вечен Мономах, рано или поздно уйдёт в мир иной. А старший из братьев Ольговичей – Всеволод-Кирилл – только этого и ждёт. Ведь тогда никто не помешает проявить вздорный характер, доставшийся от отца в наследство. Таков сюжет нового романа писателя Олега Яковлева, известного своими художественными произведениями об истории Древней Руси.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-5912-2

© Яковлев О. И., 2026

© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	31
Глава 10	33
Глава 11	36
Глава 12	39
Глава 13	43
Глава 14	45
Глава 15	47
Глава 16	50
Глава 17	53
Глава 18	56
Глава 19	59
Глава 20	61
Глава 21	63
Глава 22	66
Глава 23	68
Глава 24	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Олег Игоревич Яковлев

Ольговичи

© Яковлев О.И., 2026

© ООО «Издательство „Вече“», 2026

Глава 1

Год 1115-й от Рождества Христова. Зима...

Лес над берегами закованной в лёд Десны казался бескрайним, каким-то загадочно страшным в своей зелёной хвойной массе. Огромные присыпанные снегом рыжеватые толстые ветви могучих сосен вызывали и восхищение, и некоторую опаску, будто могли они, эти ветви, внезапно сдвинуться с места, как лапы некоего диковинного зверя или руки мифического великана – асилка¹, схватить, стиснуть в объятиях путника вместе с конём, а то и целый возок с топящейся печью, и тогда навсегда исчезнет и конь, и человек, и обоз посреди холода, воя ветра и глухого лесного безмолвия.

Иной раз посреди густых рядов сосен проглядывала белая кора берёз, голых и жалких без весенне-летней листвы, или заросли осинника подступали к самой реке, слышно было, как под порывами ветра с тихим поскрипыванием качаются тонкие стволы.

Дороги здесь, посреди чащобы, не было никакой, и держал путь воинский обоз, растянувшись цепью, по твёрдому, укутанному снегом льду замёрзшей Десны. Порой путники выбирались на берег, поднимались на очередную кручу над рекой, оглядывались по сторонам, теша себя надеждой на скорую встречу с каким утлым, обнесённым дубовой стеной городишкой, где можно будет чуток передохнуть и накормить сеном и овсом усталых лошадей. Затем они вновь спускались к реке и продолжали свой многотрудный путь.

Обоз шёл из дальнего Залесья², из Суздаля, в стольный Киев, везли ратные люди собранную дань. В зимнюю пору можно было пробраться по замёрзшим рекам через простирающиеся на сотни вёрст леса в южнорусские волости, летом же пути эти вовсе были нехожены. Да и разбойники, тати свирепые могли повстречаться в глухих сих местах. Тут ведь ни власти, ни порядка никакого – дебри, чащи, звери лютые и ни захудалого села, ни починка³ вблизи.

Для девятнадцатилетнего Ивора, сына великокняжеского воеводы Дмитра, была это первая дальняя поездка. Доселе бывал он только в Переяславле Южном, в Прилуках⁴ да в стольном граде. Ну, ещё прошлым летом хаживал на половцев берегом Днепра, да только не случилось тогда жаркой сечи, постояли две рати друг супротив друга меж холмами да разошлись каждая в свою сторону. Время наступало мирное, второй год уже крепко держал киевский «злат стол» князь Владимир Всеволодович Мономах. По разным городам рассадил он посадниками своих многочисленных сыновей. Старший, Мстислав, занимал новгородский стол, Ярополк – Переяславль⁵, Вячеслав – Смоленск, Гюргий – Ростов с Суздалем. Почитай, более половины всей Руси находилось ныне во власти Мономахова потомства. Правда, была ещё Полоцкая земля, в коей княжили сыновья старого Владимирово недруга, Всеслава Чародея⁶, была Червонная Русь⁷ с дружественными Володарем и Васильком Ростиславичами, Волынь, коей владел старший сын покойного киевского князя Святополка Ярославца, ныне женатый на внучке

¹ Асилок – в восточнославянской мифологии лесной великан, враждебный людям.

² Залесье – Ростово-Суздальская земля. В древности отделялась от Среднего Поднепровья дремучими лесами, отсюда название.

³ Починок – выселок, вновь возникшее поселение.

⁴ Прилуки – город, ныне в Черниговской области.

⁵ Переяславль Южный – ныне город Переяслав в Киевской области.

⁶ Всеслав Чародей (умер в 1101 году) – князь полоцкий, враг Владимира Мономаха.

⁷ Червонная Русь – историческая область на юго-западе Руси. Главные города – Перемышль, Галич, Свиноград (или Звенигород-Червенский).

Мономаха, юной Рогнеде Мстиславне. Ну и оставалась Черниговщина, земля северян, через которую, собственно, и двигался сейчас их обоз. Здесь княжили трое двухродных⁸ братьев Мономаха – Давид, Олег и Ярослав Святославичи. Лет двадцать назад воевали они с Владимиром и сыном его Мстиславом, воевали люто, отстаивая права свои на города и веси, но после вроде примирились, получили в управление: Давид – Чернигов, Олег – Новгород-Северский, Ярослав – Муром. Вместе с Мономахом и другими владельцами русскими ходили Святославичи в походы на половцев, отбивали полоняников, добивались до степных станов поганых на берегах Дона. Когда же позвали бояре стольнокиевские по смерти прежнего князя Святополка⁹ Мономаха на киевское княжение, не воспротивились, разумея, что не за ними ныне сила. Тихо вели себя, затаились покуда в своих волостях, но Бог весть, как могла повернуть жизнь в будущем.

Сидел Ивор в крытом возке, думал, вспоминал читанное в летописи или слышанное от отца, глядел в оконце на проплывающие мимо сосны. Готовился натянуть на плечи кольчугу, на голову надеть прилбицу¹⁰ волчьего меха и шелом, на ноги – кольчужные бутурлыки¹¹ с застёжками. Скоро пора настанет сменять охрану обоза.

Вот уже и остановился возок. Ивор набросил поверх доспеха суконный плащ-мятелию, подбитую изнутри мехом, распахнул дверь возка, нырнул вниз, на твёрдый наст.

Быстро сменилась охрана. Укрепив за спиной портупею с мечом, взяв в десницу короткое копье, взобрался юноша на гнедого скакуна. Вскоре обоз продолжил свой путь по льду замёрзшей реки.

Светило солнце, вышибая из глаз непрошенные слёзы. Было морозно, изо рта валил густой пар. Прикрываясь от солнца дланью в меховой трёхпалой рукавице, смотрел пристально Ивор по сторонам.

Тихо вокруг, только слышно, как качает ветер стволы дерев. Но вот просвистел в морозном воздухе кнут возничего, лошади двинулись вперёд, заскрипели полозья гружённых доверху товаром телег. Охраняемые со всех сторон оружными¹² всадниками, поползли возы по скользкому льду к ближайшей излучке.

Так происходило изо дня в день и уже надоедало до скуки, но старший воевода, умудрённый опытом Василий Бор, отроков¹³ держал в строгости, призывая их не терять бдительности. В глухих сих местах не раз нападали на княжеских людей тати.

Из-за поворота реки встречу обозу внезапно показался большой отряд вершников¹⁴. Пролеснул в слабом свете солнечных лучей булат доштых¹⁵ нагрудников.

– Кто ж то быть может? – Василий Бор, приставив длань в тёплой рукавице к челу, пристально всмотрелся в даль. – Вроде как хоругвь черниговская. Эй, отроки! Оружье наготове держать! Ивор, ступай наперёд! Выясни, кто сие!

Ивор послушно тронул боднями¹⁶ своего гнедого фarya¹⁷. Конь вынесся вперёд, навстречу незнакомцам. В ушах засвистел ветер, закружила по льду реки удалая позёмка.

⁸ Двухродный – двоюродный.

⁹ Святополк Второй Изяславич (1050–1113), князь киевский с 1093 года, старший двоюродный брат Владимира Мономаха.

¹⁰ Прилбица – меховая или кожаная подкладка под воинский шлем.

¹¹ Бутурлык – доспех на ногу воина.

¹² Оружный – вооружённый.

¹³ Отроки – категория младших дружинников на Руси. Считались выше гридней.

¹⁴ Вершник – всадник.

¹⁵ Доштый доспех – состоял из гладких металлических пластин, скреплённых между собой кожаными ремешками.

¹⁶ Бодни – шпоры.

¹⁷ Фarya – в старину название скакового коня.

– Кто будете? Куда путь держите? – спросил Ивор, осаживая скакуна перед передним всадником, долгобородым великаном в стёганом вотоле¹⁸.

– Дружина северская! А ты кто еси? Сказывай без обману.

Глаза великана, тёмно-серые, большие, светились добротой, губы растянулись в улыбку.

– Дань везём из Суздаля в Киев. Дружинники мы князя великого Владимира! – отвечал Ивор.

Из-за спины долгобородого выехали трое вершников в богато украшенных золотыми нитями вотолах с долгими рукавами, закрывающими ладони рук.

– Издалека, стало быть, едете, – промолвил один из них, полный, с короткостриженной чёрной бородкой, широколицый, смуглый, в шапке с собольей опушкой. Глаза у него были большие, но как-то хитровато прищуренные.

Ивор почувствовал, что незнакомец со вниманием рассматривает его, будто хочет во всех подробностях выяснить, кто он таков и что здесь, в сию холодную пору, делает.

– Назовись, отроче, или кто ты тамо будешь. Я, князь Кирилл, родовое имя имею Всеволод, сын Ольгов, вопрошаю тебя. А се, – он качнул головой в сторону двоих своих спутников, – братья мои, Игорь и Глеб.

– Ивор я, сын воеводы Дмитра. Отрочью службу правлю. Вот, как уже молвил, возы с данью сопровождаю.

– Сын воеводы Дмитра?! – возгласил громко тот, кого Всеволод-Кирилл назвал Глебом. – Дак отец твой нашему родителю ворог давний!

Отвернув долгий рукав вотола и обнажив ладонь с крупными толстыми пальцами, он потянулся за саблей, висевшей на боку, в обшитых зелёным сафьяном ножнах, и со скрежетом приздынул её, держа десницей за украшенную яшмой рукоять.

– Охолонь!¹⁹ – резко осадил его Всеволод-Кирилл, грозно сведя тонкие чёрные брови. – Не лезь!

– Да мы обоз сей тотчас в полон возьмём! И пускай папаша еговый выкуп за сынка свою платит! – промолвил третий брат, Игорь, более сухой, долговязый, безбородый, со впалыми щеками и длинными тёмными волосами, которые плавной волной падали ему сзади на плечи из-под шапки.

– Глупости не болтай! – властно прикрикнул на него Всеволод-Кирилл.

Он досадливо кусал уста и временами через силу хитровато улыбался.

– Не слушай их, отроче! – заявил он, ещё раз строго оглядев Игоря с Глебом. – За отцовые грехи сын не в ответе – так полагаю. Потому не страшись, ничего худого ратники мои тебе не содеют. А братья мои молодшие – юны они, яко туры²⁰ молодые, горячи. Зла на них не держи.

При словах об отцовых грехах Ивор вспыхнул было, лицо его окрасил румянец гнева. Но сдержался юноша, смолчал, понимая, что не время сейчас ему затевать ссору с окружённым вооружёнными ратниками старшим Ольговичем.

Тем часом северские дружинники добрались до обоза и окружили его. Василий Бор, громким голосом приказав расступиться, сам выехал навстречу князьям.

– Никак, князья Ольговичи! – тотчас узнал он всех троих. – Что, на ловы²¹ выехали в стужу такую?

¹⁸ Вотол – зимняя дорожная одежда из простого сукна, часто с длинными рукавами. Существовали и дорогие княжеские вотола, украшенные драгоценными камнями.

¹⁹ Охолонь – остынь.

²⁰ Тур – в старину дикий лесной бык, родственник зубру, ныне истреблённый.

²¹ Лов – охота.

–А, воевода Василий!– протянул Всеволод-Кирилл.– Узнал тебя. Вместе на половцев²² в степь хаживали четыре года назад. Помнишь ли? Наши северяне крепко тогда бились с Шарукановыми ордами, вашим переяславцам не уступали.

– Было дело, – скупно кивнул ему Василий Бор.

–Помнишь, значит. Но то дело давнее уже. Ныне дружину северскую отец мой, князь Олег, поднял. Велел татей ловить в лесах. Слыхал, верно, озверели они вовсе. Кукшу²³ проповедника сгубили, ироды. Язычники суть. А всякий поганин, что креститься не желает, а окромя того, в лесах со стрелой да с копьём на мирных путников и на церковных людей нападает, убивает да разор чинит – ворог и наш и ваш. Так ведь?

– Тако, князь.

– Вот я и смеаю: если кто из отроков твоих желает к нам присоединиться, лишним не будет. Вместе логово этих ворогов повоюем. А заодно и поможем обоз твой до Чернигова, а то и до Киева самого сопроводить.

–Тако, князь,– повторил раздумчиво Василий Бор.– Да токмо²⁴ где ты сих татей искать собрался посреди лесов дремучих?

–Есть у нас проводчики добрые. Да и кое-кого споймать удалось. Пятки подогрели, живо все стоянки разбойничьи выдали,– Всеволод-Кирилл криво усмехнулся.– Вот излуку пройдем, на восход²⁵ свернуть надобно, далее лесом идти. Ну, на второй день, полагаю, настигнем татей. Если только никто их заранее не упредит. А чтоб такого не случилось, спешить надо.

– Ну что ж. Предложение твоё принимаю, князь. Клич брошу. Может, кто из отроков с тобою пойдёт.

Воевода Василий Бор был муж рискованный. Понимал, что могут обмануть его Ольговичи, но всё же надеялся на их благоразумие. Слишком силён был князь киевский, чтоб тягаться с ним. Кажется, князь Олег и его старший сын это хорошо понимали.

Созвал воевода отроков своих на скорый совет, объявил о предложении Ольговичей.

–Не коварное ли измыслили?– засомневался опытный седоусый варяг²⁶ Яким.

– Не думаю, – отвечал ему Василий Бор. – А вот дружина северская невелика. Любому ратнику, думаю, Ольговичи рады будут.

– Я пойду! – первым откликнулся Ивор.

Хотелось юноше вместо унылой, порядком надоевшей дороги оказаться в гуще схватки, сразиться с обнаглевшими татями.

Воевода это понял и слегка улыбнулся в ответ, впрочем, строго заметив:

– Наперёд не суйся, отроче. Отцу твоему обещал я тя беречь!

Следом за Ивором согласились присоединиться к северской дружине ещё несколько отроков.

Свернув спустя пару часов езды с русла замёрзшей Десны, ратники углубились в лесную чащу.

²² Половцы (кипчаки, куманы) – тюркоязычный союз племён, в XI–XIII веках занимал Причерноморские степи. Совершали опустошительные набеги на Русь.

²³ Кукша – миссионер Киево-Печерского монастыря. Был убит язычниками-вятичами.

²⁴ Токмо – только.

²⁵ Восход – здесь: восток.

²⁶ Варягами изначально на Руси называли выходцев с южного побережья Балтики. Впоследствии это название распространилось на жителей Скандинавии и стало ассоциироваться именно с ними.

Глава 2

На ночлег дружинники остановились на небольшой полянке посреди густого соснового леса. Места на всех не хватило, кое-кто расположился по соседству, под сенью деревьев. Где возможно было, расставили отроки палатки-вежи. Заиграли весёлыми огоньками костры, на них наскоро готовили нехитрую еду.

Ивор вместе с воеводой Василием забрался в одну из веж под могучим деревом. Вытянув ноги к очагу и немного согревшись, юноша принялся расспрашивать воеводу:

– Ольговичи отца моего назвали ворогом первым. Почто тако? Чем он князю Олегу насолил?

– Видно, отроче, не рассказывал тебе отец, как он в полон попал, как бежал. Да, выпало на долю его немало! – со вздохом промолвил Василий Бор. – Совсем юным лишился он родителей, жил у дядьки своего Яровита в Чернигове. В те времена княжил там отец Ольгов, Святослав Ярославич. Но спустя недолгое время перебрался он в стольный Киев, Чернигов же отдал меньшому брату своему, Всеволоду, отцу князя Владимира. К нему на службу и перешёл отец твой вместе с Яровитом. После же кончины Святослава Ярославича сыны его стали у князя Всеволода черниговский стол оспаривать, и пошла усобица по земле Русской. Князь Олег половцев на Русь привёл, и стали они жечь и грабить. В одной из сеч попал отец твой, Дмитр Иворович, в полон, увели его поганые половцы в Крым, в Кафу²⁷, да продали в рабство греку одному. Но сумел Дмитр из неволи бежать, укрылся у купцов наших в Царьграде²⁸. И случилось так, что там же в скором времени и князь Олег очутился. Говорят, обманом его ромей захватили, по наущению Всеволода, да выслали на остров Родос, в ссылку. Там и провёл князь два года, прежде чем новый базилевс²⁹ ромейский, Алексей Комнин³⁰, его оттудова вызволил. И вот в Царьграде сей князь и отец твой повстречались и повздорили крепко. После князь Олег на Русь воротился, а отец твой в угры³¹ отправился службу нести. Ну а потом... Ты малый совсем тогда был... приехал воевода Дмитр обратно на Русь, в Переяславль, стал служить князю Владимиру. Сперва Олег со Владимиром воевали, но затем примирились. Вроде как забыли князья обиды прежние, живут мирно промеж собой, вместе на половцев хаживали. Святославичи все земли своего отца бывшие получили, ну а князь Владимир по смерти Святополка стол киевский занял. И Олег со братьями тому помех не чинили.

– Кое о чём из твоего рассказа мне ведомо было, – кивая головой, промолвил Ивор. – Токмо вот не любит отец мой прошлое вспоминать. Однако, гляжу, Ольговичи-то, Глеб с Игорем, едва на меня с оружием не наскочили. И коли б старший брат не вмешался, Бог весть, что бы случилось.

– Всеволод-Кирилл, тот поумнее. Понапрасну саблями махать да прошлое ворошить не стал, – отметил воевода. – Но, отроче, осторожно с ними со всеми быть нам надобно. О том помни. Ну, пойду я, сторожи³² наши окрест лагеря проверю, да спать, верно, будем. С утра, думаю, поскачем татей ловить.

Звеня доспехами, которые так и не снял с себя после скачки, Василий Бор вышел из вежи, провалившись во тьму зимней ночи. Стало слышно, как за пологом вежи засвистел ветер.

²⁷ Кафа (Каффа) – ныне город Феодосия в Крыму.

²⁸ Царьград – Константинополь, Новый Рим, столица Византийской (Ромейской) империи, ныне – город Стамбул в Турции.

²⁹ Базилевс – титул византийского императора.

³⁰ Алексей Комнин (ок. 1048–1118) – византийский император с 1081 года.

³¹ Угры – венгры.

³² Сторожа – отряд воинов, выделяемый в разведку или для охраны лагеря.

Ивор долго сидел в молчании у очага, глядя на языки огня. Было на душе как-то тревожно, думалось уже, что зря, наверное, согласились они идти вместе с Ольговичами.

...Рано поутру ратники наскоро погасили костры, стали седлать лошадей. Всеволод-Кирилл вместе с давешним долгобородым ратником подъехали к Василию с Ивором.

Сверкали, отражая розоватый свет утреннего солнца, шишаки на головах.

– В ночь лазутчики наши воротились, – объявил старший Ольгович. – Село вятичское недалече, за холмами. И в селе том тати хоронятся, те, которые обоз рязанский пограбили две седмицы³³ назад. Мыслью, покуда не очухались, налететь, порубать.

– Добро, – коротко отмолвил воевода Василий.

Всеволод-Кирилл одобрительно кивнул и повернулся к долгобородому: – Ты, Судила Иванович, левое крыло поведёшь. Под твоё же начало, воевода Василий, дам часть отроков своих. Они тебе путь укажут. Налетишь с правой руки, с косогора. Ну да увидишь. Брата Игоря с собой возьму, посредине ударю. Ну а Глеба ставлю под твоё начало, Василий. Так порешил. Ну, с Богом.

– Далеко ли селенье то? – спросил Василий Бор.

– Вёрст пять. Спешить нам надобно. Проведают о нас, уйдут. Потом в лесах этих ворогов не сыщешь. А летом по болотам да меж реками за ними гоняться – гиблое дело.

Поскакали конные ратники по ведомым одним северским лазутчикам тропам. Ветка сосновая больно ударила Ивора по щеке, юноша зло отмахнулся, вытер кровь рукавицей, помчался дальше, через овраги с замёрзшими на дне ручьями, сквозь чащи и бурелом.

Спустя недолгое время воевода Василий велел остановиться, резко вздёрнув десницу³⁴.

– Придержите коней! – приказал он. – Сторожко. Могли триболы³⁵ колючие вороги на тропках побросать. И вон впереди завал из лесин. Обойти надоть.

– Поздно, воевода! – крикнул один из северян, указывая вдаль.

Из-за засеки внезапно посыпались стрелы. Василий вздыбил коня и с ходу понёсся вперёд, увлекая за собой дружинников.

Стрелы сыпались откуда-то сверху и с разных сторон. Прикрываясь щитами, дружинники, спешившись, разбирали завал. За первой засекой оказалась вторая, а стрелы всё летели и летели, поражая людей и коней. Потеряв около десятка ратников, Василий Бор велел отходить и повёл, по указке лазутчика, отряд стороной, сквозь заросли.

– Вот топерича вборзе! – крикнул он, взмахнув мечом и ударив боднями скакуна.

Ивор и сам не понял, как лес вдруг расступился, они вылетели на простор, взобрались на крутой холм, откуда глазам открылось большое селение, окружённое тыном из плотно пригнанных друг к другу острых кольев. Кто-то из отроков бросил в ограду горящий факел, за ним полетел второй, третий. Видно было, как вдали слева из леса выскочили воины во главе с Судилой. Селение обволокло дымом. И вот уже окованный железом поро́к³⁶, заранее заготовленный северянами, с силой ударил по тыну, разметав в щепу несколько кольев.

Конники ворвались в село. И если ожидал Ивор увидеть возле изб оборудованных чем попало свирепых бородачей, то немало удивился, когда встречу им явились такие же конные люди в дощатых и кольчатых доспехах. У многих на лицах были маски-личи́ны, затылки закрывали кольчужные бармицы³⁷.

Впрочем, удивляться Ивору было особенно некогда. Бой разгорался нешуточный. Вот налетел на него вражий ратник, ударил копьём, попал в червлёный щит, с силой дёрнул копьё

³³ Седмица (седмица) – неделя.

³⁴ Десница – правая рука.

³⁵ Триболы – металлические шарики с шипами. Триболы бросали под ноги лошадям и калечили их.

³⁶ Поро́к – стенобитное орудие, таран, обитое железом бревно.

³⁷ Бармица – здесь: кольчужная сетка, защищала шею и затылок ратника.

на себя, назад, оба они повалились с коней наземь. Ивор успел вскочить первым, вырвал из портупей меч, что было силы саданул врага по голове. Слетела с татья личина, узрел Ивор перед собой окровавленное лицо, услышал злобное хрипение. Враг силился подняться, затем резко выхватил из голенища сапога острый тонкий клинок, замахнулся на Ивора. Лицо, молодое, с правильными чертами, по которому густыми струями текла кровь, искажала лютая злоба. Не успел тать ударить, опередил его снова Ивор, врезал наискось мечом по роже. Рухнул враг в снег, прохрипев что-то неразборчивое.

Покончив с ним, Ивор вскочил обратно в седло. Он заметил, что бой в общем-то был почти окончен. У Всеволода-Кирилла под рукой ратников оказалось намного больше, чем было у него противников. Северские дружинники выносили из домов разноличную рухлядь³⁸.

– Это как раз серебро наше. Гривны³⁹ и шелка, которые с торгового у болгар волжских⁴⁰ через Рязань везли, – говорил, обернувшись через плечо, воеводе Василию Всеволод-Кириллу. – Добре порубали мы сих хитников⁴¹. Вроде и полон почти что нету. Всего несколько людинов⁴².

Ивор вместе с Василием Бором вбежали в одну из изб, самую высокую, в два жила⁴³. Заскрипела сорванная с петель дверь. По горнице, заглядывая в каждый угол, со злобным видом мотался, сжимая в руке кривую торчинскую⁴⁴ саблю, князь Глеб.

– Никого! – сплюнул он от досады. – И поживиться нечем!

Ивор спустился вниз по крутым скользким ступеням в подвал. Здесь царил темнота, свет дня проникал сюда через маленькое оконце, пробитое под самым потолком.

Молодая девушка в посконной свитке прижималась к бревенчатой стене. Золотистая тугая коса спускалась на округлую грудь. Ивор, изумлённый внезапностью встречи, застыл возле лестницы. Какое-то время они смотрели друг на друга, затем юноша нарушил-таки молчание и спросил:

– Кто ты? Почто тут хоронишься?

– Я... меня в полон увели... Давно, ещё летом. Полы мою, стираю.

Тонкий нежный голосок очаровал молодца. Он ответил не сразу, невольно любясь красотой девушки:

– Отныне свободна ты. Порубали мы татей.

Девушка молча кивнула в ответ. Уста её слегка шевельнулись в улыбке. Улыбка, правда, была какая-то странная, лукавая, но зачарованный Ивор этого не замечал.

Ухватив девушку за руку, потащил он её вверх по лестнице. Сзади него что-то лягнуло и со стуком упало вниз.

– Что там? Ещё кто есть? – спросил отрок, круто обернувшись.

– Да нет. Под ногу попало что-то, – ответила ему девица. – То ли ложку, то ли нож обронил кто. Темно, не разобрать.

Они выбрались в сени.

– Как тебя звать? – Ивор всё смотрел с восхищением на девушку.

Не обратил он внимания, что руки у молодницы холёные, нежные, совсем не такие, как бывают у поломоек и портомоек.

– Людомира. Из вятичей⁴⁵ я.

³⁸ Рухлядь – здесь: вещи, не обязательно старые.

³⁹ Гривна – денежная единица в Древней Руси, а также серебряное или золотое шейное украшение.

⁴⁰ Волжские болгары – народ, проживавший на Средней Волге и Нижней Каме, предки совр. казанских татар.

⁴¹ Хитник – похититель.

⁴² Людины, люди – основное население в Древней Руси. Их зависимость от князя заключалась в уплате дани.

⁴³ Жило – этаж, ярус.

⁴⁴ Торки, торчины – один из кочевых тюркоязычных народов Северного Причерноморья в X–XIII веках.

⁴⁵ Вятичи – восточнославянское племя. Вятичи жили по верхнему и среднему течению Оки и дольше других племён сохраняли языческие обычаи и независимость от власти киевских князей.

Едва успела девушка ответить, как подскочил к ним озлоблённый Глеб.

– Что, отрок, добычу у князя отнять порешил?! – выпалил он, хватаясь за саблю.

Ивор заслонил собой девушку.

– Сия дева – полонянка. Тати её захватили. Не трожь её, княже!

– Что ты врёшь?! – возмутился Глеб.

Невесть чем кончилась бы их перепалка, но в избу внезапно вошли Всеволод-Кирилл с Судилой, а с верхнего жила спустился, неся в руках серебрящуюся кольчугу, Василий Бор.

– Что тут творится? – В тёмных глазах старшего Ольговича играла всё та же хитроватая усмешка.

– Вот, княже, девица сия. Полонянка, из вятичей, – ответил ему Ивор.

– Девка моя! – взревел в ярости Глеб. – Сей ворог у князя добычу отобрал! Я первый сию избу занял. Всё здесь топерича – моё!

– Это почему ж твоё? – презрительно прищурился Всеволод-Кирилл. – Или ты девку сию нашёл первым?

– Я её отыскал, княже. В погребке хоронилась, – молвил уверенно Ивор.

– Ну, тогда, стало быть, твоя она, отроче. Зря ты, брат, саблей тут размахиваешь. – Всеволод-Кирилл решительно ухватил Глеба за запястье, отвёл его в сторону и уже тише, ему одному, добавил: – Умней быть надобно. Не время, не час прю⁴⁶ затевать с Мономаховыми людьми.

Глеб, высвободив десницу, нехотя вложил саблю в ножны.

– Спаси тебя Боже, отроче, – чуть слышно шепнула Ивору Людомира. – Защитил, спас меня от зверя сего лютого. Он бы сильничать меня стал.

Длань девичья легла на кольчужный рукав отрока.

Тем часом Василий Бор пристально рассматривал найденную на верхнем жиле кольчугу.

«Чегой-то мала она. Не токмо мне. Разве какому малорослому да худому ратнику впору будет. Али бабе. Да, таковую не наденешь. Продать придётся на торгу», – думал воевода.

...Догорали на белом снегу остатки жилых строений и тына. Спешно погрузив трофеи и возвращённое добро, дружина северская вместе с людьми Василия Бора через лес двинулась на заход⁴⁷.

На коне впереди Ивора, прижавшись хрупким телом к его груди, ехала юная Людомира. Руками в вязаных багряных рукавичках с цветастыми узорами держалась она за кафтан молодца, тело девушки облегал короткий старенький шушун, голову покрывал тёмный плат из грубой шерсти.

К вечеру ратные люди благополучно добрались до берега Десны, где ждали Василия Бора и его людей обильный ужин и отдых.

⁴⁶ Пря – спор, распря.

⁴⁷ Заход – запад.

Глава 3

В походной печи горел огонь. Трое братьев Ольговичей, расположившись на кошмах вдоль стен просторного возка, вели неторопливую беседу. Сложены в обоз кольчуги и мечи, грубые ветоли заменили кафтаны тонкого сукна.

– Наказ отцовый мы, братья, исполнили, – говорил Всеволод-Кирилл. – Воротили добро болгарское. Одно только уразумел я: всех татей не переловить в лесной чащобе. Особо тех, кто с дерев по нам стрелял. Попробуй сыщи их наверху, посреди хвои. Слышал я, иной раз дома прямо в дуплах огромных вековых дубов строят. Да и ежели словишь этих татей, тотчас другие на их места явятся.

Он тяжело вздохнул, отпив из серебряной чары глоток душистого медового кваса.

– Что ж мы, выходит, всю жизнь будем за голю сей гоняться?! – с презрением прохрипел Глеб.

– Нет, брат. По-иному содеять надобно. Дороги строить будем прямоезжие, шляхи широкие до Суздаля, до Мурома, до болгар. Ну и охрану обозов, разумеется, наряжать. Вон как у Мономаховой дружины налажено.

– Что ты всё о Мономахе! Враг он наш, отец вон сколько супротив его ратоборствовал! – зло отрезал Игорь. – И Киев занял он не по праву лествичному⁴⁸. Дядька Давид да отец наш первыми опосля Святополка в очереди были!

– Оно так, только отец наш стар уже, нет у него сил с Мономахом и его сынами сладить. И вообще, братья, пути прямые, такие, чтоб меч в руци да вперёд, в таких хитрых делах не годятся. Это тебе не дорогу строить прямоезжую. Пути к власти земной – они извилисты.

Всеволод-Кирилл снова вздохнул.

Игорь, прикусив вислый ус, согласно кивнул, но затем резко вскинул взор на старшего брата и спросил:

– И что, думаешь, Кир, нам топерича деять? Как быть?

– Покуда под рукой Мономаховой ходить придётся, показывать, что заедин мы с ним. На поганых пойдём, ежели позовут, на враждебных Мономаху и его сынам князей. Дороги вот строить будем вместе, с татями воевать. А там и видно будет.

– У Мономаха сыны повсюду рассажены. Переяславль, Смоленск, Суздаль, Туровская земля. А у нас – одна Северянщина, – недовольно протянул Игорь. – Нас трое, да ещё Святослав, брат наш меньшей. Где мы вчетвером на таком клочке земли поместимся...

– Это покуда, повторю тебе. Хочешь большего – умей терпеть, Игорёха. Будет и на нашей стороне сила. Мы, князя Святославова корня, ещё себя покажем, поверь мне.

– Ещё скажи: молись пуще! – недовольно процедил Глеб.

– И это тоже. И людей церковных николи⁴⁹ не забывайте, братья. Кому серебра отсыпь, кому помощи храм обновить. Вон как отец наш выстроил в Вышгороде новую церковь. Нынче по весне собираются старшие князя перенести туда останки святых великомучеников Бориса и Глеба. С малого начинать надо. От малого же до великого путь хоть и извилист, да, может статься, не столь и долог.

– А что ты, Кир, великим считаешь? – спросил вдруг Игорь.

– Ну, для князя, такого, как мы с тобою, стол получить добрый, большой, богатый. Чтоб уважали тебя все соседи. И чтоб другие, малые владетели, под рукой твоей ходили. Чтоб боялись и в ноги кланялись. Иметь власть, такую, как у Мономаха сейчас.

⁴⁸ Лествичное право (или ряд) – порядок наследования великого стола в Древней Руси, согласно которому Киев передавался старшему князю в роду.

⁴⁹ Николи – никогда.

– Говоришь ты хорошо, Кир. А как такого достичь? – Игорь уныло передёрнул плечами.
– Шаг за шагом надобно идти. Пусть медленно, постепенно.
– Тако и жизни не хватит, – продолжал сомневаться Игорь.
– То как знать. Неведомо, брат, грядущее. Но верить в силы свои и в помощь Божью – надо. Иначе, воистину, ничего не добьёшься.
– И каков же он, шаг следующий? – Глеб презрительно усмехнулся. – Доколе нам Мономаху, сынам его и ратным людям угождать?!

– Ничто в прозрачном нашем мире не вечно, – глухо отозвался Всеволод-Кирилл. – А о шагах в следующий раз с отцом вместе побаяем. Давайте, братья, спать. Заутре путь нас сожидает долгий. Сперва – Дебрянск⁵⁰, затем – Новгород-Северский наш.

... Братья уже давно спали, а Всеволод-Кирилл, забросив руки за голову, всё смотрел в непроглядную ночную тьму.

Ведь Игорь в чём-то прав. Вот стукнул уже тридцать один год, а кто он таков, первенец князя Олега? Отца звали на Руси презрительно «Гореславич», памятуя, как наводил он поганых на землю Русскую. И это противное прозвище теперь и на них, сынах Ольговых, висит, как будто уже изначально они преступники какие.

В тридцать лет свои был уже единожды Всеволод-Кирилл женат. Супруга, двухродная племянница, дочь Николы Святоши, два лета назад ушла от него, постриглась в монахини. Детей от неё молодой князь не имел. Теперь стал задумываться он о новом браке, да всё никак не мог решить, как поступить. Игорь – тот женат давно на половчанке, дочери хана Аепы Гиргеновича, хотя деток от неё тоже не имеет. Зато у Глеба уже двое малых ребят, от греха с одной боярыней родились, растут в Стародубе.

У него, Всеволода-Кирилла, тоже есть полюбовница, боярыня замужняя, краса писаная. Но не отбирать же ему её у мужа и жениться! То – позор будет.

В последнее время, после роспуca⁵¹, перестал молодой князь боярыню ту навещать. Возникла в голове у него одна мысль, но никого из братьев он в свои намерения до поры до времени посвящать не хотел.

Всеволод-Кирилл повернулся на лавке, устроился поудобней, закрыл глаза. И тотчас в памяти возник солнечный день, Киев, лестница витая, ведущая на хоры собора Софии. Он стоит, в праздничном кафтане, подпоясанном кушаком с золотыми нитями, в шапке горлатной⁵², весь нарядный, возле высокого столпа. Навстречу ему, шелестя шёлком и парчой одежд, выплывают одна за другой княгини и княжны из Мономахова семейства.

Вот княгиня новгородская, свейка⁵³ Христина, жена старшего Мономахова сына, Мстислава, выступает вся во злате, лицо с алыми губами и коротким вздёрнутым носом густо набелено, щёки подрумянены. Не то чтоб красива, но настоящая княгиня, породистая, надменная, знающая себе цену. И две девочки-дочери в платьицах дорогого бархата спешат за ней следом, тихонько переговариваются, смеются.

Его сперва не заметили, но вот скользнули по нему любопытные серенькие глазки. Хороши обе девчушки, хоть и малы ещё совсем.

Старшая, Ингеборг, говорят, уже высватана за датского принца Кнуда Лаварда, а младшая... Агафья. По слухам, любимица князя Мстислава. Что, если?.. А коли откажут?.. Позор на всю Русь. Молвят, куда тебе, отродье крамольника недобитого! Взял бы в жёны какую полов-

⁵⁰ Дебрянск – ныне город Брянск.

⁵¹ Роспус – развод.

⁵² Горлатный – сделанный из меха на горле пушного зверя (соболя, горностая).

⁵³ Свейка – шведка.

чанку али торчинку невытую. Ну, в худшем случае – дочку боярина служивого. А ты... Соколом воспарить восхотел, а сам... осоед⁵⁴ с крылом подбитым!

Агафья, Агафья!.. А если рискнуть? И не к Мстиславу посылать в Новый город, а к самому Мономаху прийти, сыскать повод. Сказать, мол, обручиться бы нам, а там подожду, покуда невеста подрастёт. Чад рожать будет, и помирим мы с нею тогда два рода враждебных, два ствола, от единого корня растущие, от князя Ярослава Премудрого⁵⁵, от Владимира Крестителя⁵⁶.

Мономах может и отказать. Не прямо так, исподволь. Мол, мала внука моя, в куклы ей играть ещё, а ты... Толстый, волос на голове мало, и летами чуть ли не в отцы ей годишься. И что тогда... Рать начинать за обиду свою, яко Владимир Креститель, когда от ворот поворот получил от гордой Рогнеды?⁵⁷ Но у Владимира был Новгород Великий, были рати варяжские, а у тебя кто? Битые половчины, трусливый дядька Давид... Или всё-таки решиться?..

Молодой князь промаялся почти всю ночь и заснул только под утро. Вскоре пришлось ему просыпаться и встать, наряжать сторожу обоза. Челядинцы наскоро сворачивали и укладывали в возы походные вежи, в коих ночевали отроки.

Спустя недолгое время продолжили ратники путь по льду замёрзшей Десны.

⁵⁴ Осоед – порода мелкого ястреба.

⁵⁵ Ярослав Мудрый (ок. 982–984 – 1054) – великий князь киевский, дед Мономаха, Олега, Святополка Второго.

⁵⁶ Владимир Креститель (ок. 948 (?) – 1015) – великий князь киевский, отец Ярослава, ввёл на Руси христианство.

⁵⁷ Рогнеда (ум. 1000) – полоцкая княжна. Отказала сватавшемуся к ней Владимиру, силой захвачена им и вынуждена была стать его женой.

Глава 4

В ту ночь не одни Ольговичи вели долгий разговор. Было о чём потолковать и Василию Бору с юным Ивором.

Расположились воевода с отроком в небольшой веже на кошмах. Кожухов не снимали, было довольно-таки холодно, хоть и щедро обогревалось внутреннее пространство вежи дровами, а стенки войлочные были изнутри обшиты шкурами.

Людомуру поместили в маленьком походном возке рядом с вежей. Покой недавней полонянки охраняли двое гридней⁵⁸ – киевлян. Василий строго-настрого приказал им не смыкать очей. Мучили опытного воеводу подозрения. Ими и решил он поделиться с Ивором.

...Глядя в юное лицо отрока, воевода спросил:

– Как думаешь с ентою девкой быть? Натешись и отпустишь? Али в холопки её?

– Да ты что, воевода?! – Молодой отрок сразу встрепенулся, в глазах его сверкнуло недоумение. – Что ж я её, сильничать буду? И потом... Какая она холопка? Свободная она!

– Стало быть, отпустишь?

– Ну, вопрошу. Захочет с нами... со мною остаться, пущай. Но силою брать не стану и в холопки не обращаю, коли не захочет.

– Да ты, погляжу я, влюбился в сию девицу, что ли? Ох, молодо-зелено! – Василий Бор беззлобно рассмеялся. – Вот что тебе скажу, отроче. Девка сия Людомура, конечно, пригожая, красовитая, но из простых она вроде. А стало быть, тебе не ровня. Полюбоваться с ею – енто одно, а всерьёз чтоб... Нет, Дмитрич! Да и она то понимает. Вишь, как сразу отгородилась... Баит, отпусти меня с миром, к своим я уйду.

Лицо Ивора насупилось, он вздохнул и погрустнел, затем вдруг резко вскинул голову и промолвил:

– А вот не пущу я её никуда! Пропадёт в лесах ентих! Али сызнова к татям каким в полон угодит! Моя она! Люба мне! Захочу – и женюсь! А что?!

– Ты яко младень мыслишь! – довольно резко перебил его воевода. – Мало красивых, что ли, окрест? И покраше есть, и поумнее, чай, и познатнее! Ты вот в Киеве подольше побывай. Там что ни баба, то и цветок! А ты всё: люба да люба! Сказал уже. И потом, что отец твой, мать подумают? Уже, верно, сыскали тебе невесту какую добрую, покуда мы зиму в Залесье пропадали. Да и... – Воевода прикусил уста, помолчал немного и добавил: – Говорить тебе сперва не хотел, но... подозрительна сия девица...

– Чем же? – В голосе Ивора звучали нотки вызова.

– На длани её погляди. У тех, кои полы в горницах моют да бельё в реке полощут, руки грубые, а у сей – нежные. На что угодно поспорю – ни единого разу она тряпку с венником в дланях не держала. Вот приедем в Дебрянск, тотчас сыск учиню, велю прознать, что это за чудо к нам попало. И кольчужка сия короткая. Вроде как ей бы в самую пору. Может, оно и не так, ясное дело, да токмо... Сомненья меня, отроче, гложут. Не доверяй девке сей, что б она тебе ни болтала.

Ивор ничего не ответил. Смотрел он на пламя очага, думал, что в самом деле воевода во многом прав. Молод довольно ещё Василий Бор, всего годов тридцать пять ему, а многое на своём веку уже повидал: и на половцев хаживал, и в Херсонес⁵⁹, и даже в Царьград ездил, и в далёкой стране обезов⁶⁰ бывал. Поносило дружинника по белу свету, и просто так болтать он

⁵⁸ Гридни – категория младших дружинников на Руси. Часто выполняли роль телохранителей князя.

⁵⁹ Херсонес – в древности греческий город в Крыму, в Средние века – колония Византии. Руины Херсонеса – на окраине совр. Севастополя.

⁶⁰ Обезы – абхазы.

не станет. Василию Бору Ивор доверял всецело, а вот Людомира, воистину, стала казаться ему после слов воеводы странной. Хоть и очарован был парень красотой сей девицы, хоть и защитил её от Глеба Ольговича, но головы не терял. Знал: с людьми надо быть осторожным. Этому учила его мать, о том всегда говорил отец, это и сам отрок постиг, уже будучи в княжеской дружине.

И всё-таки Людомире хотелось верить. Вспоминая, как доверчиво прижималась она к нему во время скачки по лесу, готов он был в любой миг встать на её защиту и полагал, что не зря так поступит. А впрочем, он её почти не знает. Поистине, прав Василий Бор.

С трудом отвлекшись от сомнений и дум, юноша лёг на кошмы, укрылся сверху овчинным тулупом и погрузился в сон.

Василий Бор глянул на него со снисходительной улыбкой.

«Парень неглупый. Разберётся, что к чему», – подумал он, устраиваясь поближе к очагу.

Глава 5

Городок Дебрянск располагался на правом возвышенном берегу Десны как раз напротив впадения в неё речки Болвы. Десна в этих местах узкая и вертлявая, потому передвигались здесь дружины с обозами медленно, без конца сворачивая то на восход, то на полдень, то снова на восход. Вблизи устья Болвы видны были два скованных льдом небольших озерца. Солнечные лучи, отражаясь от их гладкой голубоватой поверхности, вышибали из глаз слёзы.

Городок был невелик. Расположенный на вершине холма детинец⁶¹ окружала дубовая стена с башнями и воротами, дорога к которым извилисто петляла от деснинских вымолов. Вокруг детинца виднелся торгово-ремесленный окольный город, обнесённый тыном едва ли более высоким, чем в давешнем разбойничьем селении. Далее вдаль от реки убежал посад, ничем не укрепленный, причём избы посада вплотную подступали к густой дубовой роще, раскинувшейся на правом берегу на многие вёрсты.

В городке можно было немного передохнуть, прежде чем продолжать путь по ледяной глади Десны.

Вьюжила позёмка, кружили по льду снежные вихри. Хоть и заканчивалась зима, а всё не хотела она отступать, всё злобилась, обжигала стужей, словно пытаясь напоследок показать людям свой свирепый нрав.

Ивор, спрыгнув с возка, помог спуститься на снег Людомире. Девушка уцепилась рукой в рукавичке ему за локоть и ступала осторожно, как будто боялась упасть.

Глядя на девушку, юноша в очередной залюбовался ею. Розовые уста, из-под короткой верхней губы проглядывает при улыбке белый ряд аккуратных зубов, тонкий и прямой носик, серые большие глаза, стрелки бровей, как нарисованные, не высокий, но и не низкий лоб – всё в этой девушке казалось ему прекрасным. И уходили куда-то в сторону давешние подозрения и сомнения, не помнились слова воеводы Василия.

– Ну вот мы и в Дебрянске. Топерича ты мя отпустишь, отрок? – спросила, лукаво улыбаясь, девица, и вчерашний разговор с воеводой тотчас всплыл у Ивора в памяти.

– Да куда ж ты пойдёшь? У тебя ить⁶² и родичей никоих нет. Сама сказывала. Оставайся со мной. Поедем в Чернигов али в Киев. Там куда ни то⁶³ пристроишься, в какой дом богатый, может. А может, к моим отцу с матерью, – стал уговаривать её молодец.

– В челядинки не пойду! Вольная есмь! – недовольно фыркнула в ответ Людомира. – Говорю же: оставь меня тут, в Дебрянске. Сама я о себе позабочусь.

– Ох, дева, дева! Да ты гордая, как я погляжу! – Ивор, покачав головой, в который раз восхищался ею и всё не мог решить, как же ему теперь с ней быть.

...Дружины остановились на отдых в окольном городе, тогда как князя с воеводами и частью отроков проследовали в довольно утлый детинец. Ольговичам местный посадник предоставил место в своих палатах, прочие же разместились в помещениях прямо внутри крепостной стены.

Городок сей принадлежал черниговским князьям, равно как и расположенный немного западней затерянный в лесах Вщиж, и считался родовым владением Давида Святославича. Впрочем, в последние лета Давид и Олег, по сути, управляли Черниговщиной совместно, и владения обеих ветвей Святославова рода часто перемежались, а то и переходили из рук в руки. Благо братья жили промеж собой дружно.

⁶¹ Детинец – укрепленная часть древнерусского города.

⁶² Ить – ведь.

⁶³ Куда ни то – куда-нибудь.

Из оконца крепостной стены открывался вид на Десну, устье Болвы и заречные дали. За полоской речного берега темнела уходящая за окоём тёмная масса леса. Ближе к Дебрянску преобладали дубы, берёзы, далее же на полночь⁶⁴ и на восход густели сосновые боры. Порой попадались и ельники, то была уже совсем дикая заповедная пуша.

–Верно, зверья в сих лесах неисчислимо,– вымолвил воевода Василий, оглядев окрестности.– Туры, зубры, кабаны дикие водятся, волки такожде⁶⁵, рыси. Ловы тут учинить – одно удовольствие!

Ивор, стоявший рядом со старшим товарищем, согласно кивал. Но не о ловах думал он. Всё размышлял он, что же делать и как быть с Людомирой.

Наутро воинский обоз готовился в дальнейший путь. Отроки и гридни запрягали в возы свежих отдохнувших лошадей.

Сошли во двор детинца и Ивор с Василием, когда вдруг подбежал к ним один из гридней с копьём в руке.

– Воевода! Девка пропала! Та, которую у татей взяли! – выпалил он на ходу.

– Как пропала?! Не уследили, псы! – возмутился Василий Бор. Вместе с Ивором они поспешили в камору, где оставили девушку. Камора была пуста. Даже сено, которым укрыли дощатые полаты, было не примято.

– В ночь, видно, ушла. Али с вечера ещё, – взирая на грустное лицо Ивора, промолвил воевода. – Да полно тебе кручиниться! Оно и легче, не возиться тебе более с сей девкой. Сама она свою дорожку выбрала. Пушай, как хочет, живёт!

Он махнул рукой.

– Может, и прав ты, Василий, – раздумчиво отозвался Ивор и с тихим вздохом добавил: – Не нам её судить.

– А что, ежели... – Василий Бор огладил бороду. – Ежели Ольговичи её полонили. С сего Глебки станется. Тот ещё баб любитель! Вот что, други! Пойду-ка я со старшим Ольговичем перетолкую. Он вроде средь них самый разумный.

Воевода решительно толкнул плечом деревянную полукруглую дверь.

– Княже Всеволод! Девка у нас пропала, полонянка. Ну та, кою Ивор нашёл в избе, – стал Василий рассказывать Всеволоду-Кириллу, едва заметил его сходящим с крутых ступеней крыльца посадничьего терема.

– И что с того? Не углядели, стало быть, вы за ней, – старший Ольгович развёл руками и усмехнулся. – Или предлагаешь мне её ловить по лесам?

Следовавшие следом за братом Игорь и Глеб громко рассмеялись.

– Вопросаю: может, кто из ваших её захватил? Воротите, коли тако.

– Не, мы тут ни при чём. Да и на что она нам? – с презрением ответил Василию Игорю. – Али своих баб не сыщем?!

Всеволод-Кирилл, обернувшись, ожёг его недовольным взглядом.

– Проверим мы, воевода. Но, думаю, мой брат прав, – сухо изрёк он и жестом руки дал понять, что разговор окончен.

Позже, уже перед самым отъездом из Дебрянска, подвели к Василию с Ивором два северских отрока некоего мужика, одетого по-простому, в старенький поношенный тулуп.

Мужик сорвал с головы шапку-треух, поклонился воеводе в ноги и промолвил:

– Слыхали мы про девку сию. Как её князи описали, дак она, верно. С косою золотистою, баская вельми. С татями она вместях была. Поганинка, из вятичей. Был некогда, в давние лета, Ходота, старейшина вяцкий. Тож немало люду погубил да пограбил. Давно, годов тридцать тому, порубала дружина Мономахова сего Ходоту со старшим сыном. А сноха еговая уцелела

⁶⁴ На полночь – на север.

⁶⁵ Такожде – также.

да во второй раз замуж вышла, нарожала чад. И среди них некий Волк был и сестра еговая. Как звать её, не ведаю. Вот они, сказывают, выросли да татьбою и занялись сызнова. Благо леса тут у нас глухие. Верно, вы на сих татей нынче и наскочили. Всех побили, а сия, стало быть, сбежала. У нас на посаде разные об ней слухи ходят. Бают, свирепая она, хоть и молода совсем!

– Вот оно как! – Василий Бор переглянулся с Ивором. – Не зря подозрительной сия девка мне сразу показалась.

– Воевода! – окликнул его челядинец. – Кольчуга пропала! Та, кою ты у татей забрал!

– Ну вот, – усмехнулся Василий. – Вот, отроче! Запомни: никому на сем свете доверять не мочно⁶⁶. А особенно бабам! Хитрые они, обведут вокруг перста, так что не токмо без трофеев – без портов останешься!

Ошеломлённый неожиданными известиями, Ивор угрюмо молчал.

⁶⁶ Мочно – можно.

Глава 6

На высоком берегу Десны, на мысу близ впадения в неё узенькой Стрижени, располагался Черниговский детинец. Высоко в голубое чисто вымытое небо вдавался крытый свинцом купол собора Преображения Спаса. По соседству с собором размещался двухъярусный каменный княжеский дворец. Ещё один, поменьше, находился намного восточнее, ближе к мысу и сложенной из крепкого дуба городской стене. В детинец вели трое ворот с переброшенными через земляной ров подъёмными мостами – Погорелые, Киевские и Водные. С севера и запада к детинцу примыкал обширный окольный город, населённый купцами и ремесленниками. Окольный город также был укреплён земляным валом и мощными стенами с проездными воротами. Здесь же посреди садов за высокими частоколами виднелись загородные дворы многих черниговских бояр. Хоромы украшала затейливая роспись, иногда к домам в одно-два жила пристраивали теремные башни с конусовидными крышами.

С юго-западной стороны к детинцу подходил ещё один окольный город – Третьяк, также обведённый валом и деревянной стеной. За Третьяком ниже по течению Десны тянулись строения Елецкого монастыря, ещё далее, в нескольких верстах от города, на холмах, прозванных Болдиными горами, находился другой монастырь, основанный за сорок пять лет до описываемых нами событий святым Антонием Печерским, с Ильинской церковью и собором Успения Богородицы.

У подножия детинца со стороны реки располагался черниговский подол, часть которого, подходящая к городской пристани, тоже была укреплена валом с деревянными стенами и городнями⁶⁷.

С запада и севера к окольному городу подходило Передгородье – довольно обширный район, обведённый валом, рвом и деревянным тыном.

Вокруг города темнели многочисленные насыпанные в далёкие уже языческие времена курганы – были они и на так называемом Олеговом поле западнее Передгородья, и за северной стеной, на левом берегу Стрижени, и на Болдиных горах.

Южнее, ниже по течению Десны, находилась дубовая Священная роща, в которой горожане по-прежнему, как в старые времена, справляли древние языческие обряды. Власти смотрели сквозь пальцы на творимые простонародьем требы и лишь изредка устраивали облавы, хватая являвшихся из глухих мест волхвов.

Вообще Чернигов мало в чём уступал Киеву, а в последние десятилетия, при мирном правлении добродушного Давида Святославича, рос и хорошел.

Со всей обширной Черниговской земли стекался сюда разнообразный люд – и кузнецы, и гончары, и сапожники, и зиждители⁶⁸.

Иной раз, проезжая по улицам, Всеволод-Кирилл удивлялся, как изменился в лучшую сторону в последние лета Чернигов. В детских воспоминаниях его это был совсем другой город – утлый, с чёрными остовами печей на месте жилых строений после половецкого нашествия, которое учинил, воюя с Мономахом, отец, князь Олег. Впрочем, были времена, когда и Мономах со своими союзниками брал штурмом укрепления окольного града.

Теперь всё это оставалось в прошлом, город процветал и даже в зимнюю пору выделялся красотой своих церквей, теремов и башен.

По соседству с собором Спаса размещались каменные хоромы Черниговского епископа. Туда, отдохнув немного с дороги и постояв на молитве в соборе, молодой князь и направил стопы.

⁶⁷ Городни – деревянные срубы, заполненные внутри щебнем и землёй, часть городских укреплений.

⁶⁸ Зиждитель – зодчий.

В покое с узкими и высокими, забранными слюдой окнами, выходящими в сад, принял его епископ Феоктист, в недавнем прошлом – священник Киевского Печерского монастыря.

Худощавый, рослый, с острыми чертами лица, с бородой клином, в чёрной рясе и клобуке⁶⁹ с окрыликами, с наперсным крестом-энколпионом⁷⁰ на груди, пожилой, но с живым блеском в серых глазах, в которых скользило любопытство, епископ перекрестил Всеволода-Кирилла и жестом руки пригласил его сесть на обшитую бархатом лавку у стены.

Когда-то Киевские Печеры были местом уединения и молитв монахов-анахоретов⁷¹, каким был его основатель святой Антоний. Но после, с годами монастырь отстроился, обзавёлся большим хозяйством, получил немалое богатство в дар от князей, бояр, знатных купцов, а также имел немалые прибыли от принадлежащих ему сёл. Монастырь стал средоточием грамотности, иконного письма, врачевания, и многие его постриженцы были назначены на высокие церковные должности. Так, инок Никита занимал епископскую кафедру в Великом Новгороде, а ныне покойный Ефрем был долгое время епископом Переяславля и даже местоблюстителем митрополичьего престола. Феоктист вышел из той же когорты образованнейших людей своего века. И в монастырь он пришёл ещё во времена деда Всеволода-Кирилла, князя Святослава Ярославича.

Расположившись на лавке, молодой князь начал издали:

– Гляжу я, отче, наступило нынче на Руси время мирное. Прекратились усобья князьи, кои терзали многострадальную землю нашу годы и десятилетия. Половцев мы побиили, города крепить и строить стали, дороги торить.

Феоктист мягко, но решительно перебил Всеволода-Кирилла:

– Ты, сыне, прямо говори. Что тебя мучает, за какой надобностью пришёл? Али просить чего хочешь?

Он не верил в искренность Ольговича, в его откровенность, потому и потребовал от него речи ясной и прямой.

– Полагаю, союзы между князьями крепить надо. Чтoб более тесная связь меж нами была, – тихо промолвил Всеволод-Кирилл. – Сам помнишь и знаешь, святой отец, как ратились отец мой и князь Владимир, как враждовали они долгие годы. Вот и хочу я, чтоб вражда эта не возобновилась ни при нас, ни при детях наших. Укрепить жажду то, что ныне вижу, – мир, но не войну, союз, но не вражду.

– Опять ты, чадо, издали заходишь... – с мягкой укоризной заметил епископ.

– Извини, отче, по-иному у меня не выходит. Ведаешь, что супруга моя постриг приняла. Чад мы с нею за десять лет брака так и не народили. Вот и мыслю. У старшего сына Владимиров, Мстислава, дочери растут. Так, может... – Всеволод-Кирилл запнулся и добавил после недолгого молчания: – Ты бы посодествовал...

– Что, любя тебе дочка князя Мстислава-Феодора? И которая ж? Старшие две у его замужем, третья, бают, сосватана за датского прынца.

– Агафья.

– Дитя же она совсем, Кир.

– Видал я её. Красивая. Да только не в одной красе дело. Сей женитьбой я бы примирил род наш, Святославов, с Мономашичами.

– И поближе к дедовскому столу киевскому стал бы. Тако ить, Кир?

Чуть насмешливо, с лёгкой улыбкой всматривался в черты лица старшего Ольговича Феоктист.

– О таком не думал, святой отец.

⁶⁹ Клобук – монашеский головной убор.

⁷⁰ Энколпион – большой наперсный крест с частицей мощей какого-либо святого внутри.

⁷¹ Анахорет – монах-отшельник.

– Ой ли, Кир?!

Всеволод-Кирилл прикусил губу и смущённо опустил голову. Ощущение было такое, будто насквозь проник в душу ему мудрый старец, все помыслы его тайные знает он заранее и дальше сокрыть от него хоть что-либо будет глупо и бессмысленно.

– А если и так. Не изгой ведь мы, князья Ольговичи, не ляхи, не угры. Русь – наша земля, равно как и прочих князей. По заветам предка нашего, князя Ярослава, Премудрым наречённого... – Всеволод-Кирилл снова не договорил.

– В Любече на снеме⁷² иное отец твой и прочие князья порешили. «Каждый да держе вотчину свою» – тако сказано было.

– Да я, отче, сие и не оспариваю вовсе. Но женитьбой с Мономаховой внучкой мир закрепить хочу.

– Похвально се, чадо, – епископ кивнул головой. – Токмо остерегу ты – не дай увлечь себя чаяниям лихим! Ибо где гордыня да честолюбие душою овладевают, тамо – грех и погибель. Пример родителя твоего о том говорит.

Всеволод-Кирилл сдержался, не стал спорить с Феоктистом, хотя неодобрительное высказывание об отце немало задело Ольговича. Поспешил он перевести разговор на иное.

– Так поможешь, отче? – спросил он глухо.

– Ты с отцом своим о том баил? – строгим взглядом окинул его епископ. – Без отцова благословенья такие дела не делаются.

– Покуда не говорил. Гордый он вельми⁷³, отец мой. Боюсь, скажет: пусть князь Владимир сам моему первенцу невесту предложит. Мы, мол, не просители какие.

– Вот потому ты ко мне и пришёл. – Феоктист задумчиво огладил седую бороду. – Вот что, Кир. Дело сие отложим до лета. Нынче, сам ведаешь, в Вышгороде князья соберутся. Порешили они перенести мощи святых страстотерпцев Бориса и Глеба в новый храм, кой отец твой построил. Вот после сего... самое время настанет о твоём деле тихонько поговорить. Я митрополиту шепну, а там, думаю, всё и закрутится.

– Что ж, – Всеволод-Кирилл вздохнул. – Обожду я покуда. Прав ты, отче.

– И отца своего, князя Ольга, подготовь. Намекни, напрямую не бай. Ведаю и я гордый норов еговый. И вот что, Кир, скажу тебе напоследок. Толковню нашу помни. Не дай гордыне и властолюбию погубить себя.

Старший Ольгович снова подошёл под благословение святого отца, после чего поспешно покинул покой. Вышел он на мраморное крыльцо епископовых палат с двояким чувством. С одной стороны, вроде обнадёжил его Феоктист, обещал помочь в многотрудном деле, а с другой – становилось немного не по себе.

Догадался о тайных помыслах его епископ, а умный проницательный Мономах тем паче догадается. И тогда... Бог весть как оно поворотит.

Сам не понял сразу Всеволод-Кирилл, как очутился в околородье. Будто ноги сами собой его вынесли. Неподальёку от него шумел торг, сбоку за деревьями проглядывали верха боярских теремов, прямо впереди видны были кузни.

Из возка вышла, грациозно ступая по снегу ногами в сафьяновых сапожках, молодая женщина в шубе куньего меха, в плате золотистом на голове. С внезапным волнением узнал Ольгович в сей жёнке бывшую зазную свою. Остановился, удержал себя, положил крест. Боярыня заметила его, уста её расплылись в насмешливой улыбке.

Резко поворотил Всеволод-Кирилл в сторону, прошёл через торговые ряды, поспешил в детинец.

⁷² Любеч – город на левом берегу Днепра. Снем – княжеский съезд. В 1097 году на съезде в Любече русские князья провозгласили принцип: «Каждый да держит вотчину свою».

⁷³ Вельми – весьма, очень.

Не время, не час был сыну Олега заводить шашни с любвеобильной женой старого боярина Мирона. Об ином думалось ему теперь, об ином мечталось.

Глава 7

Вняв предложению Ольговичей, Василий Бор и его спутники, прежде чем продолжить путь в стольный Киев, остановились на недолгое время в Чернигове. Обоз разместили в детинце, за надёжными стенами, там же расположились и почти все дружинники. Северяне, сопровождавшие князей, разбрелись по городу кто куда, часть их во главе с воеводой Судилой осталась в Севере⁷⁴ по пути в Чернигов. В Чернигове находился сейчас, как говорили, сам князь Олег, и сыновей своих он звал к себе.

Как только устроились киевляне на отдых, воевода Василий предложил Ивору:

– У меня, отроче, сестра тут, в Чернигове, за боярином замужем. Чем в гриднице ночь коротать, пойдём-ка лучше к ней. Чай, примет родного братца.

– Ну, ты ступай, а мне-то вроде как и неудобно. Кто я? – засмутился молодой отрок.

Воевода поспешил убедить его в обратном:

– Да я как токмо скажу, что сын ты Дмитра Иворовича, тотчас тебя хлебом-солью встретят, попотчуют от души да спать на лучшую постель уложат. Боярин Лука Гордеич под началом отца твоего не один раз на поганных хаживал.

Послушал Ивор воеводу. Вдвоём, пешими, оставив коней на конюшне в детинце, пошли они через ворота в окольный город. Мимо лавок менял, оружейных и гончарных мастерских, по широкой главной улице поспешили воевода и отрок к высокому, в три жила, сложенному из дуба терему. По бокам к нему были пристроены две каменные башенки с решётчатыми окнами.

– Видно, знатный боярин зять твой. Хоромы и княжеским не уступят, – отметил Ивор.

– Оно тако, – коротко отмолвил Василий Бор.

В тереме по их прибытии поднялась суматоха, дворский провёл гостей в просторную горницу, куда вскоре явилась молодая красивая хозяйка. Цветастое шёлковое платно⁷⁵ обрисовывало тонкий стан воеводовой сестры, лицо было покрыто густым слоем белил, на щеках полыхали румяна. Голову жёнки покрывал мафорий⁷⁶ голубого цвета, видно, ромейской работы, тоже шитый из шёлка.

Боярыню сопровождала женщина, облачённая в дорогую шубу куньего меха.

Смущённый Ивор отвесил боярыне почтительный поклон, Василий Бор же крепко обнял любимую сестру.

– Се— сын воеводы Дмитра! – объявил он, указывая на отрока.

Боярыни приветливо улыбнулись.

– Ну вот, се – сестрица моя, Мария. А се – Святолюба, супруга боярина Мирона, – указал Василий Бор на женщину в шубе.

– Добро пожаловать в дом наш! – объявила боярыня Мария. – Тотчас велю столы накрывать. Радость-то какая! Братец приехал! За боярином Лукой тотчас холопа пошлю. Он ныне у князя Давида на совете, должен вот прибыть. Сождаем.

– Вы, должно быть, с обозом идёте? Вместях с Ольговичами? – спросила боярыня в шубе. – Слыхала уже, как татей вы побили и грабленое добро отобрали.

Голос у молодежи был звонок, рассматривала она Ивора без всякого смущения и боязни.

– Ну, вы устраивайтесь, а я пойду, верно. Засиделась у подруги в гостях. – Святолюба решительно пошла к двери.

Впрочем, выйти она не успела. В горницу ввалился весь в снегу молодой Лука Гордеич.

⁷⁴ Севера – то же, что Новгород-Северский.

⁷⁵ Платно – платье, одежда.

⁷⁶ Мафорий – плат, закрывающий голову и плечи.

– Здорово, Василий! – возгласил он, распахивая воеводе объятия. – Друг мой сердечный! Вот радость-то! Эй, холопы! Столы готовьте! Пировать будем!

Боярин, шумный, весёлый, дородный, несмотря на молодые лета, словно заполнил собой всё пространство горницы. Сбросив кожух на руки челядину, сорвав с головы шапку с собольей опушкой, он остался в кафтане алого сукна, перехваченном на поясе кушаком. Узнав, что перед ним сын воеводы Дмитра, он принялся тотчас нахваливать Иворова отца и вспоминать их совместные походы в степь на Дон.

Боярыня Святолюба порывалась уйти, но Лука стал уговаривать её разделить с ними трапезу. Молодица сказала, что собиралась к Марии в гости на короткое время и боится мужниного гнева.

– Дак мы тотчас к ему челядина пошлём. Упредит, – заявил в ответ Лука.

Помявшись немного, Святолюба согласилась остаться. Медленными движениями аккуратно стянула молодлица с рук сафьяновые рукавицы с золотой прошвой. Холопки помогли ей снять с плеч шубу. Осталась молодая женщина в расцветенной серебром свите⁷⁷ тонкого сукна. Под свитой явственно просматривалась большая грудь. Белокурый локон падал на чело из-под убруса, в ушах горели самоцветами дорогие серьги, на перстах сверкали жуковины⁷⁸.

Красна была Святолюба, стойно цветок распустившийся. Очарованный её красотой, но в то же время будучи не в силах забыть Людомиру, Ивор во время пира старался не глядеть в сторону молодой боярыни. Вокруг него звенели чары, произносились громкие здравицы, мелькали разноличные блюда – всё это проносилось мимо отрока в каком-то круговороте.

Немного пришёл он в себя, только когда отвели их с Василием боярские холопы в просторный покой наверху одной из пристроенных к терему каменных башен. Отсюда из слюдяного окна видны были огни факелов и тёмные очертания строений вечернего города.

– Ну вот. Тут ночку скоротаем, а заутре путь наш продолжим, – промолвил, стягивая с ног тимовые⁷⁹ сапоги, воевода. – Эх, остался б я тут на седмицу, попиrowал всласть, но... Немочно тако. Князь Владимир строг, задержки не простит.

– Воевода, скажи, а жёнку ты сию давно знаешь? – спросил внезапно его Ивор.

– Какую жёнку?

– Ну, жену боярина Мирона. Ту, что гостила у сестрицы твоей.

Василий усмехнулся:

– Чего ты вдруг о ней?

– Да так. Красна она вельми.

– Енто верно. Токмо скажу тако – не по зубам сия жёнка ни тебе, ни мне.

– Оно понятно. Замужняя коли...

– Да не в том дело. – Воевода снова усмехнулся и качнул головой. – Высокого полёта сия птица. Полюбовница она двоих князей. Сперва – Ростислава, старшего сына Давидова, после – Всеволода Ольговича, того самого, коего мы по пути повстречали.

– Дак она, выходит, яко баба непотребная! – с презрением заметил Ивор.

– Не суди сию жёнку, отроче, строго! – одёрнул юнца Василий Бор. – Выдали её супротив воли за старика седого. Был, бают, жених у ей, да погиб в сече с половцами. В монастырь Святолюба идти хотела, как прознала о смерти его, отговорили, выдали за вдовца богатого. Ну а княжич Ростислав тут как тут. Бают, встречались тайком долгое время. Князь Давид прознал, послал непутёвого сына наместником во Вщиж, оженил на княжне одной там. То ли польской, то ли полоцкой, точно не ведаю. Ну, заскучала девка в боярском терему, тут старший Ольгович

⁷⁷ Свита – основной вид верхней одежды на Руси, род платья или кафтана.

⁷⁸ Жуковина – драгоценный камень в перстне.

⁷⁹ Тим – род сафьяна.

и подвернулся. Как уж сошлись, не ведаю, но, ходят слухи, дочь у боярыни Святолюбы от одного из князей сих. Супруг бо ейный немощен да стар вельми.

– Всё одно, не понять мне сего, – возразил воеводе Ивор. – Уж лучше, верно, в монастырь идти. Честнее.

– Повторю сызнава: не тебе её судить! – резко оборвал отрока Василий Бор. – Молод вельми! Впрочем... – Он сердито махнул рукой. – Не бабы мы базарные, неча ближним своим косточки перемывать!

Он подошёл к окну, выглянул во двор. Чадили факелы, глухо лаяла собака, далеко на западе заходило солнце. Проваливались во тьму очертания боярских теремов.

– Много тайн, отроче, в княжьих и боярских хоробах, за заборами высокими, за окошками слюдяными. И далеко не обо всём мы с тобою ведаем. Да, верно, и не должны ведать. Тако жизнь устроена.

Ивор, со вниманием слушая Василия, согласно кивал.

Глава 8

Благочинная тишина царила в дворцовых палатах. С утра оба князя, Давид и Олег Святославичи, собрали в горнице своих сыновей и ближних бояр. Не было только Ростислава, старшего Давидовича, коего отец давно уже отправил на княжение во Вщиж.

Князь Олег в последние лета сильно сдал. Исхудавший, страдающий приступами тяжёлого кашля, он почти не покидал своего черниговского дома. Но, как и в молодые годы, в очах его полыхал огонь гордыни. Нет, не смирилась смятенная душа князя с потерями прежних лет. Хоть и не было уже сил, хоть и побеждён был в сечах более сильными и удачливыми противниками, хоть и не смог достичь вождя киевского стола, но упрямо отказывался он от походов в Половецкие степи, не хотел рвать, рушить прежние союзы со степными ордами. Терял «Гореславич» силы и со слабой надеждой всматривался в сыновей. Может, они вернут роду его былую славу.

Давид Святославич – тот был прост и послушен. И Святополку покойному легко подчинялся, и Мономаху, да и младшему брату Олегу старался не перечить. Правда, на половцев ходил вместе со всеми, но тут уже Олег ничего сделать не мог – воля набольших черниговских мужей, бояр висела над владетелями, и одолеть сию волю тяжкую они, князья, не могли. Вот и сейчас кучкой сидят бояре на скамьях возле княжеских стольцов⁸⁰ и коли с чем будут не согласны, тотчас зашумят и заставят... да, заставят князей принимать их волю, их желания.

Олег это понимал, но порой до бешенства доводило его это собственное безвластие, собственная ничтожность.

Глухо кашлянув, он прохрипел, окидывая собравшихся упрямым взором обведённых красноватыми веками серых глаз:

– Чую, други, скоро настанет мой час. Вот и собрал вас, бояре черниговские, мужи набольшие и нарочитые. Четверо сынов у меня. И каждому из них даю я волость. Вы же поклянитесь, что волю мою впредь уважать будете и не оставите сынов моих без совета мудрого и помощи.

Застыли на лавках в ожидании сыновья Олега. Всеволод-Кирилл мрачно косил по сторонам, Игорь низил очи, Глеб выглядел равнодушным – видно, понимал, что многого сегодня не получит. Рядом с ними расположилась молодая жена Олега, половчанка, с девятилетним сыном Святославом. Старшие Ольговичи почти не обращали на неё внимания. Напротив них разместились супруга Давида Святославича, княгиня Федосья, смуглолицая, моложавая, с двумя малолетними отпрысками – Владимиром и Изяславом. Со старшим из них, Владимиром, Всеволод-Кирилл, несмотря на разницу в летах, водил дружбу. Вместе князь сыновья выезжали на ловы в черниговские пущи, вместе выхаживали коней, причём Владимир всему учился у двоюродника. И надо сказать, Олег был немало рад этой тесной дружбе.

«Яко и мы с Давидкою. Николи не воевали, всегда соузились, а коли в чём согласия не имели, дак то по мелочам», – думал с удовлетворением северский князь.

Оборвав воцарившееся молчание, он положил на стол перед собой харатейный⁸¹ свиток с серебряной печатью и торжественно промолвил:

– Сыну моему Всеволоду даю Новгород-Северский вместе с Рыльском и градами в Посемье. Старший он меж вами, сыны, потому слушайте его. Как помру я, будет он вам заместо отца. Второму сыну, Игорю, даю Трубчевск, Глебу – Стародуб. Молодшему сыну, Святославу, с матерью, княгиней моей, выделяю Курск. И да будет тако.

⁸⁰ Столец – княжеское кресло, трон.

⁸¹ Харатейный – пергаментный.

Ничего нового, по сути, в словах князя Олега не было. Просто постарался он, чувствуя скорое окончание земного пути, составить завещание, закрепив уже ранее определённые в уделы города харатейной грамотой со своей печатью.

После княжеский дьяк, разворачивая свиток, перечислял сёла и деревни, которые Олег передавал во владение своей княгине. И здесь ничего нового Всеволод-Кирилл не услышал. Глянул на явно довольную мачеху, тотчас перевёл взор на тётку Федосью, чуть заметно кивнул головой юному Владимиру.

Вроде все остались довольны. Все, кроме Глеба, которого маленький Стародуб не особенно устраивал. Но возражать отцу он не стал. Решил позже перетолковать со Всеволодом-Кириллом. Воистину, отец не вечен, а после его кончины много что пересмотреть можно. И святой крест в сем деле мало что значит.

Епископ Феокист принял крестное целование от княжичей и бояр, после чего Олег и Давид окончили совет.

Как только остались старшие князья в палате одни, Олег тихо, вполголоса сказал Давиду:

– Ты, брате, еже что, не позволяй, чтоб сынов моих кто обидел. Или чтоб они друг дружку тузить начали.

– Надеюсь, брате, не будет сего. И Святослава с матерью, полагаю, не обидят, – елеинным голосом ответил ему князь Давид.

– Вроде Всеволод-Кирилл – парень неглупый. Но... кто ведаёт. Сам разумеешь, много вокруг сынов моих боярчат, отроков. Мало ли что. Сыщется ворон чёрный, накаркает беду, влезет в душу, нашепчет коварное. Иной раз ворона от орла и не отличишь.

Старый князь тяжело вздохнул.

Давид ушёл, а он долго ещё сидел посреди палаты, сомневался, тревожился, но и успокаивал себя мыслью: жили они со братьями без малого мирно два десятка лет, такожде станут и дети их жить. Это так, но хотелось... хотелось большего. Чтоб достигли сыны того, чего не возмог достичь он, Олег Святославич, немалое время пребывавший в шкуре изгоя. Вспомнил годы ссылки своей на острове Родос, отчаяние, которое охватывало его, потом чувство безнадёжности, тупого унылого безразличия, овладевшее им всецело, а после вдруг – новые надежды, приветливость императора Алексея Комнина, юная красавица жена, ромейская патрицианка Феофания Музалон, триумфальное возвращение в Тмутаракань на щите, несомом верными дружинниками, власть.

Была война за Чернигов, победы и поражения, надежда и беспомощность, снем в Любече, хитрости Мономаха, по сути, лишившие его великого стола киевского. Мономаха Олег и ненавидел, но и уважал. Понимал, что только упорство и решительность двухродного брата помогли установить на Русской земле покой и порядок, когда каждый из князей стал держать «вотчину свою». Собственно, держать сей порядок завещал он сегодня и своим сыновьям.

Сыновья... Покойная Феофания так любила своих чад – и Всеволода, и Игоря, и Глеба. А он... не успел оглянуться, как выросли сыны. Старший, Всеволод-Кирилл, вроде послушен, внимателен, тих... Но, как и мать его, молчалив, прежде чем что сказать, подумает. Рассудителен, иногда излишне.

А может, так и надо. Да, верно, тако.

Честно говоря, на Всеволода-Кирилла и возлагал сейчас Олег главные надежды.

Как-то постепенно угасла в исстрадавшейся душе князя Олега тревога. Почему-то стало ему спокойно, по крайней мере за этого сына.

Медленно встал старый князь со стolyца и, сильно сторбившись, зашагал, опираясь на посох, к двери.

Мерцали в палате свечи, отбрасывая тени на сухошавое, изборождённое морщинами лицо.

Глава 9

В Киеве Ивор задержался только на пару дней. За долгое время пребывания в Залесье сильно соскучившись по родным, отрок отпросился у воеводы и, оседлав скакуна, стрелой помчался в загородное село, где обретались его отец и мать. Путь был недолог и хорошо известен Ивору. Почитай, едва ли не каждую тропинку, каждое дерево в окрестном лесу знал он с раннего детства. В скором времени он уже привязывал к коновязи скакуна, ударял кулаком в высоченные ворота и слышал с радостным стуком в сердце громкий голос матери, боярыни Ольги, лай собак и торопливые шаги.

И вот он уже сидит за широким столом в горнице. Напротив него – отец, воевода Дмитр, высокий худощавый пожилой человек с окладистой бородой и живым взглядом тёмно-серых очей.

Ивор долго и обстоятельно рассказывал о Суздале, Ростове, о новом городе Владимире, заложенном несколько лет назад по указанию Владимира Мономаха на крутом берегу речки Клязьмы.

– Полнится Залесская Русь людом. Есть и ремесленники добрые, и пахари, и купцы. Земля там добрая, урожаи богатые собирают всякое лето. А окрест – леса, больше ель да сосна. От степи, от половцев далече. И жизнь, мне думается, спокойней, чем тут у нас, – рассказывал Ивор.

Боярыня Ольга сидела рядом с супругом, слушала первенца своего со вниманием, подперев румяную щёку кулачком.

Возле отрока пристроились две младшие сестрёнки, Татьяна и Евфимия, обе светленькие, в мать, с туго заплетёнными косичками. Сёстрам Ивор привёз подарки – деревянные куклы, обряженные в разноцветные платьица из лоскутьев. Малышки подаркам были весьма рады и весело шептались между собой, то и дело прикрывая ладошками рот, чтобы не засмеяться. Татьяне ныне исполнилось девять лет, Евфимии – и вовсе пять.

Старый воевода Дмитр, выслушав долгое повествование Ивора о поездке, промолвил:

– Рад, сыне, что обвыкся ты на службе княжой. Тако и нать⁸². А я вот стар стал, ноют раны старые, спину почасту ломит. По осени на охоту ходил, зайцев да уток стреляли с боярином Станиславом. После сего вот и разболелись кости. Потому более в тереме сижу, редко в последнее время куда выезжаю. Ну, если князь токмо пошлёт когда за какой надобностью. Нынче по весне велел князь Владимир возле Вышгорода⁸³ мост возводить наплавной на левый берег днепровский. С еного, говорит, начнём дело большое. Дорогу будем чрез Черниговщину и леса вятские торить. Чтoб без опаски в Залесье ездить. А то, сам ведаешь, татьба, разбой на путях. Тако вот, сыне. Мне, чую, далеко от дома не отъехать, ну а ты уж сему делу доброму послужи.

Ивор молча кивал, исподлoбья глядя на твёрдое отцово лицо – лицо бывалого воина, за жизнь свою претерпевшего немало испытаний и бед.

Поведал отрок о встрече с сыновьями Олега, о разгроме татей. Не сказал только о Людомире, счёл, что не стоит более вспоминать о лихой разбойнице. Предвкушал молодец новые встречи и приключения. Хоть пока и не выходила красивая девица у него из головы, хоть и восхищался он втайне, положа руку на сердце, её лихой изворотливостью, но думалось, что новые впечатления со временем сотрут из его памяти этот яркий образ.

Тем часом Дмитр Иворович говорил:

⁸² Нать – надо.

⁸³ Вышгород – город к северу от Киева, на правом берегу Днепра.

– Со князем Ольгом давние мы недруги. Прегорд князь сей, жесток. Нет в нём ни чести, ни совести. Поганых половцев наводил не раз на землю Русскую. Сколько вдов, сирот крамолы его нескончаемые оставили, сколько люду безвинного он сгубил!

– Вот и на Чернигов тогда навёл он орды поганых! – с горестным вздохом промолвила боярыня Ольга. – Вся семья моя погибла! Отец, мать, сёстры! Сама я в полон попала, без малого год промаялась у солтана половецкого Арсланапы в рабнях. Отец ваш вместе с королевичем угорским Коломаном освободили меня, порубали половцев.

– Это тот Арсланапа, коего отец на Молочной в сече зарубил? – спросил Ивор.

– Он самый. Ох и зверь же был!

– А князя Ольга в конце концов смирили мы. Затих он в своей Севере, – добавил воевода Дмитр. – Видно, кается в грехах. Церкви выстроил в Чернигове, в Вышгороде. Да иначе и быть не могло. Не дурак ить! Говоришь, сыны еговые вам по пути повстречались? Всеволод, Игорь, Глеб. Матушку их покойную знавал я. Красавица была княгиня Феофания Музалон. И добрая. Может, и сыны в неё...

– Старший, Всеволод-Кирилл, может статься. А Игорь со Глебом, думается, не прочь были саблями помахать и обоз наш перехватить, яко тати те же. А может, просто он умней, сей Кирилл. Кто ведает?

Ивор пожал плечами.

– Вот что тебе скажу, сыне. Еже когда с сими Ольговичами доведётся тебе повстречаться, осторожен будь. От лихих сих князьков Бог весть что ожидать мочно, – предостерёг молодого отрока отец.

Мать набожно закрестилась, зашептала молитву. На глазах у неё выступили слёзы, верно, вспоминала боярыня Ольга прежние свои беды.

...Отдохнув седмицу, воротился Ивор в Киев. Продолжилась его служба в Мономаховой дружине.

Глава 10

Яркое весеннее солнце обливало светом обведённый сложной цепью бревенчатых крепостных стен город на холме над днепровской кручей. Зеленели луга и дубравы, за могучей рекой густые боры убегали вдаль, тёмной массой охватывая окоём. Голубела вода в низинах. Кончался апрель, под лучами солнца высыхали бурные ручьи, наступала пора цветения и благоухания, наполненная яркими красками оживающей после зимней спячки природы.

В Вышгород съезжались князья, бояре, воеводы, епископы, игумены монастырей. А уж простого люду было невесть сколько.

Всеволод-Кирилл и его братья во главе отряда вершников переправились через Днепр по совсем недавно возведённому по приказу Мономаха наплавному мосту.

«Удобно сделано, – рассуждал старший Ольгович, оглядывая крепкие дубовые мостовые строения. – Теперь по пути из Чернигова в Киев не надобно станет броды выискивать и перебираться вплавь».

Кроме того, устье Десны располагалось ниже моста, и поэтому отпадала нужда в дополнительной переправе с правого берега Десны на левый с неизбежными остановками и потерями времени.

В Вышгород они въехали с северной стороны. Миновав ещё одни ворота с крепостной стеной, Ольговичи и их спутники очутились в центре городского детинца, где светлела в красочном праздничном убранстве возведённая трудами их отца новая каменная церковь Святых Бориса и Глеба. Неподалёку от неё высилась старая одноглавая каменная церковь, в которой, собственно, и находились сейчас мощи святых.

Первоначально останки Бориса и Глеба были захоронены в ограде церкви Святого Василия, поставленной ещё при Владимире Святославиче. Но церковь сия сгорела во время одного из частых пожаров, и на месте её в княжение Ярослава Мудрого, примерно около 1021 года, возвели деревянный храм в честь святых, куда и были положены мощи. Позже князь Изяслав Ярославич велел соорудить каменную церковь. В неё в лето 1072-е с торжественностью перенесли гробы со святыми останками. Некоторое время спустя отец Олега, Святослав Ярославич, начал строить новый храм, большой, трехнефный⁸⁴, на восьми столпах. Строительство продолжилось и после скорой кончины Святослава, в княжение Всеволода Ярославича, отца Мономаха, но по окончании работ верх храма неожиданно обрушился, и восстанавливал его в последние годы уже на свои средства Олег.

Теперь, наконец, все работы в храме были завершены. На субботу, в первый день мая, было назначено освящение церкви. Затем предполагалось перенести в этот новый храм гробы с останками святых. Вот потому и спешили князья, бояре и иерархи церковные в Вышгород.

Ольговичи остановились в просторных хоробах старого тысяцкого⁸⁵ Микулы, но едва разместились князья в светлицах наверху, а их свита на нижнем жиле, как явился к Всеволоду-Кириллу некий монашек в чёрной рясе и плотно надвинутом на чело куколе.

– Игумен Григорий передать велел, княже! – С низким поклоном протянул монашек старшему Ольговичу свиток с восковой печатью.

Всеволод-Кирилл долго вчитывался в уставные строки письма. Наконец повернулся к стоявшему рядом Игорю и тихо спросил:

– Помнишь Горяя, сына боярыни Елены?

– Как не помнить. Вы, кажись, дружками с им были, не разлей вода.

⁸⁴ Неф – пространство внутри православного храма, ограниченное рядами колонн.

⁸⁵ Тысяцкий – на Руси боярин, глава городского ополчения.

– Дак вот. Ныне Горяй сей уж и не Горяй вовсе, но Григорий – игумен монастыря Святого Андрея в Киеве. Высоко взлетел соколик. Но нам, может статься, дружба прежняя пригодится, и не раз.

Всеволод-Кирилл привычно хитровато прищурился.

Игорь уныло передёрнул плечами, отмолвил:

– Я и не ведал, что в монахи Горяй подался.

– Давно уже то случилось. Как мать у него скончалась, царство ей небесное, так и ушёл он из мира. Ну да не шибко богата была покойная Елена. Вдовствовала, сребра не скопила, а то, что и было, прахом пошло. Войны, разоренья, набеги половецкие. Думаю, разумно поступил Григорий.

– А что в посланье-то? – полюбопытствовал Игорь.

– Да хочет он нас с тобою у себя видеть. Вот послал службу. Пишет, старую дружбу не забыл.

– Погоди, брат. Монастырь Андреевский – он ить Мономахов, родовой. Отец его, князь Всеволод Ярославич, сию обитель основал.

– Да, так, – Всеволод-Кирилл согласно кивнул. – Вот и думаю: не Мономах ли чрез Григория передать нам что хочет? Такое, чтоб прочие не слышали и не знали.

Игорь снова пожал плечами.

Мешкать братья не стали. Тотчас велели они гридням седлать коней и в скором времени выехали за ворота.

Медленно, важно вышагивали по дощатой улице холёные скакуны. Братья-князья и сопровождавшие их несколько гридней из свиты с любопытством озирались по сторонам. Вот старый каменный терем княгини Ольги, вот церкви, вот дома знатных горожан, вот сад и по соседству с ним ровная площадка с высокой башней-вежей. Видны были стены со стрельницами⁸⁶, дощатый мост через ров, строения посада. Невелик Вышгород, но торжище здесь большое, пристань широкая с ладьями у вымол⁸⁷. Город купцов, город ремесленников, северный оплот Киева.

Вершники остановились возле щедро украшенных резьбой трехъярусных епископских хором. На дворе перед восходом⁸⁸ стояли многочисленные возки, возле них сновали церковные службы, послушники, монахи в долгих рясах и скуфейках. Всё вокруг кружилось, вертелось, словно в потревоженном улье.

Монах провёл обоих князей по долгому переходу в один из покоев на втором жиле дома.

Навстречу им с лёгким поклоном вышел довольно молодой человек с короткой бородкой, на вид шустрый, тонкий в кости. Одевание его – простая чёрная ряса – ничем не отличалось от монашеского, только на груди виднелся на серебряной цепи большой наперсный крест.

– Здорово, Григорий! – По устах Всеволода-Кирилла скользнула улыбка. – Давно мы с тобой не видались! С той самой поры, как матушка твоя преставилась да ты в монастырь подался!

– Ныне игуменствую аз, князи! Поставлен митрополитом пасти стадо Христово в обители Святого Андрея, – отвечал ему Григорий смиренным голосом, словно в чём перед собеседниками провинился.

Он пригласил обоих князей за уставленный нехитрой едой стол. Шёл Великий пост, и потому пища была довольно скромной – в основном овощи, грибы да различные соленья.

Запивали яства хлебным квасом, во время трапезы говорили мало, Ольговичи ждали, когда же наконец хозяин застолья начнёт серьёзный разговор.

⁸⁶ Стрельница – бойница.

⁸⁷ Вымол – причал.

⁸⁸ Восход – крыльцо.

– Помнишь, Григорий, как мы в Севере в плавни ходили, как на уток охотились? – вдавился в воспоминания Всеволод-Кирилл. – Тогда тебя не Григорием звали, а Горяем. Иногда Еленичем, по матери.

– Были времена, – Григорий вздохнул. – Теперь иная у меня стезя. И имя иное.

– Все мы меняемся, – задумчиво изрёк Всеволод-Кирилл. – Спаси тебя Бог, друже, за еду, за то, что не забыл, привечаешь нас, князьков бедных. Но вопрошу всё же: почто позвал нас? Ведь не только же для того, чтоб былое вспомнить да пищи монашеской отвесть?

– Вестимо. – Григорий медленным движением огладил свою бородку. – Толковня у нас будет вот о чём. Намедни вызвал меня в стольном к себе князь великий Владимир. И о вас, князи, вопрошал. Говорил: плохо, мол, знаю я сынов Ольговых. Что за люди они, каковы из себя.

Братья встревоженно переглянулись.

– На что мы ему сдались? – пробормотал молчавший доселе Игорь.

– Сказывал князь Владимир тако: хошу, мол, со князьями сими в мире и согласии жить. На вотчины их зариться не буду, одно требую: чтоб ходили сыны Ольговы в моей воле.

– Или мы что не так створили?! – В глазах старшего Ольговича вспыхнули недобрые огоньки. – Вроде повода для сомненья не давали!

– Думаю, князи, вопрошает о вас князь киевский, ибо помнит старую вражду свою с отцом вашим.

– Дак то когда было! Два десятка лет без малого минуло! Пора бы о том и позабыть, – зло процедил Всеволод-Кирилл.

Впрочем, гнев и недовольство своё он тотчас постарался скрыть, отринуть. Не время и не место было для таких споров.

– Ну и что ты ему ответил? – спросил Игорь.

– Да что. Знаю я вас давно, и худого ничего за вами николи не водилось. Так и отмолвил великому князю. И позвал вас, чтоб вы ведали. Видно, союзиться, дружить с вами князь Владимир хочет.

– Если так, то оно добре, – молвил старший Ольгович.

Немного помолчав в задумчивости, он поднял голову, глянул на молодого игумена с некой затаённой хитрецей во взоре тёмных очей и спросил:

– Под твоим началом ведь и женская обитель Андреевская? И, слышал я, бывают иногда в ней княжны молодые, внучки Мономаховы?

– Ну, бывают, когда из Нова-города приезжают. Почитай, всякое лето.

– Ну и каковы они? Что о них сказать можешь?

– Да что? Малы ить они. Агафья – та больше о нарядах баит. Весёлая такая. А вторая, старшая, Ингеборг... За прынца датского которая сосватана. Та молчунья... Тихая. Да токмо, как говорят, в тихом омуте черти водятся. Ничего об ней сказать покуда не могу.

– В омуте, говоришь? Непростая, верно, девица. А красивы обе, хоть и девчонки совсем, – вздохнув, промолвил Всеволод-Кирилл. – Ну, Григорий, благодарны мы, что ты нас о толковне с великим князем известил. Пора нам. Поедем в Микуловы хоромы. Заутре отца со стрьем сождедем в Вышгороде. А там и мощи святых переносить будем.

Братья решительно поднялись со скамьи и распрощались с гостеприимным хозяином.

По дороге Игорь стал расспрашивать:

– А чего ты про княжон сих вспомнил, брате? Али думы какие у тя есть?

– Думы? Да думы есть... Но покуда... Рано о том молвить. Придёт час, – бросал в ответ Всеволод-Кирилл короткие фразы.

Не хотел он прежде времени раскрывать свои замыслы.

Глава 11

В субботу, в первый день мая, новую церковь Богородицы освятил прибывший из Киева митрополит Никифор, а следующим утром, в третье воскресенье по Пасхе, когда православные люди отмечают День святых жён-мироносиц, намечено было торжественное перенесение мощей благоверных святых князей Бориса и Глеба.

Народу вокруг дороги, по которой надлежало везти гробы с останками святых, было неизмеримо много. Едва ли не каждый хотел прикоснуться к святым мощам. Толпа грозно колыхалась, напирала, и хотя ещё накануне ночью по обочинам дороги возвели деревянные ограждения, а княжеские дружинники с копьями в руках отгоняли особо ретивых, это не всегда помогало. Ограждения скрипели, падали, люд прорывался, перекрывал путь, и торжественная процессия то и дело останавливалась.

Впереди на санях везли гроб с мощами святого Бориса. Видные бояре, старшие дружинники, отроки тащили сани за толстые канаты. Медленное, чинное движение прерывали толпы людей, порой всё мешалось, в ушах стоял невообразимый гул.

Князь Владимир Мономах, в багряной свите тонкого сукна, в шапке с собольей опушкой, первым шёл за гробом. За ним следовали сыновья – Мстислав, Ярополк, Вячеслав, Роман, Андрей, шли воеводы: Ратибор с сыновьями Ольбегом и Фомой, Орогаст, Станислав Тукиевич с сыном. Среди прочих находился и молодой Ивор. Отец его на торжество не приехал, старый Дмитр в последние недели хворал и почти не выходил из дома.

В очередной раз шествие остановилось. Князь Владимир подозвал начальника стражи и громким голосом повелел:

– Бросайте в толпу пенязи⁸⁹ и парчу!

Тотчас полетели за ограду отрезки дорогой парчи и медные монеты. Народ чуть схлынул, началась возня, в нескольких местах возникли драки за пенязи и ткани.

Сани наконец удалось подвезти к нартексу⁹⁰. С десятков человек торжественно подняли гроб и внесли его внутрь храма.

Следом тронулись с места сани с мощами святого Глеба. За гробом следовал князь Давид Святославич, особо почитающий этого святого. Рядом с ним шёл Олег, худой, сгорбленный, опирающийся на посох, с лицом землистого цвета. Он часто останавливался и сильно кашлял.

«Не жилец», – слышал Ивор разговоры между собой дружинников. За спинами старших князей углядел молодой отрок знакомые лица всех троих старших сыновей Олега, а также малолетних Владимира Давидовича и Святослава Ольговича. С ними рядом находились их дядьки-воспитатели и другие ближние люди.

Уже возле врат церкви одна из верёвок, за которые тащили каменный гроб, внезапно оборвалась, хотя была она толстой, такой, что рукой не обхватишь, и с виду прочной. Тотчас по толпе прошёл шум, раздались крики:

– Знамение Господне!

– Не желает Господь сего!

– Воротить надобно святого Глеба на место!

Не слушали сих слов церковные и княжеские люди. От намеченного дела отступить никто из них не мыслил. Потому, заменив верёвку, продолжили они двигаться к новому храму.

Уже после полудня оба гроба с мощами святых поставили наконец внутри церкви. Теперь надлежало решить, где, в каком месте святые братья-великомученики должны будут обрести вечный покой.

⁸⁹ Пенязь – мелкая медная монета.

⁹⁰ Нартекс – западный притвор храма.

– Я полагаю поставить раки⁹¹ посреди церкви. Велю возвести над ними ковчег серебряный, – промолвил князь Владимир, обращаясь к двухродным братьям.

Ответил ему, недобро шурясь и сдерживая порывы кашля, мрачный Олег.

– Храм сей заложил отец наш, великий князь Святослав. И мыслил он поместить раки сии в комаре, в приделе по правую руку от входа. Тако и надо содеять, – решительно заявил он.

В храме повисла тяжёлая напряжённая тишина. Стояли друг против друга князья, с плохо скрываемой ненавистью смотрели друг на друга и уступать сейчас один другому ни за что не хотели.

Владимир Мономах вспоминал жаркую сечу с Олегом на Нежатиной Ниве, разгром союзными Олегу половцами предместий Чернигова, своё унижение и вынужденный уход из Чернигова в Переяславль, гибель сына Изяслава в бою под Муромом. Олег вспоминал годы своей ссылки на Родосе, время изгнания, гибель братьев Глеба и Романа по наущениям покойного Мономахова отца, своё безнадёжное сидение в осаде в Стародубе и разгром на берегах Колокши⁹², после которого он опять едва не потерял все свои владения.

Стояли за спинами князей их дружинники, готовые в любой миг броситься на супротивников. Ивор видел ненависть и даже ярость в их лицах.

«Хорошо хоть, без оружия во храме стоят. А то бы учинили тут...» – успел подумать он, прежде чем нарушил гнетущую тишину твёрдый голос митрополита Никифора.

– Коли спор случился меж вами, князи, следует прибегнуть к жребию, – объявил святой отец.

В сияющем в свете свечей саккосе⁹³, с митрой на голове, Никифор сейчас казался выше, значительней всех собравшихся в церкви.

Снова повисло в воздухе тяжёлое молчание. Наконец князь Владимир, одолевая ненависть и презрение, тихо промолвил:

– Согласен с сим.

Давид и Олег Святославичи закивали головами.

– Пушай тако будет, – произнёс, выдавил из себя с немалым трудом Олег.

Словно выдохнули облегчённо все собравшиеся в храме – иереи и миряне, епископы и бояре, игумены монастырей и дружинники.

Церковные служки поднесли Владимиру и Олегу по небольшому свёрнутому в трубку свитку хараты, на котором каждый из князей написал своё предложение. После оба свитка отнесли в алтарь и поместили на святой трапезе. Нашли мальчика четырёх-пяти лет из семьи местных горожан, и настоятель церкви велел ему взять наугад один из свитков.

Выпал жребий Святославичей. Князь Владимир Мономах скрыл досаду за деланой улыбкой. Олег тоже слабо улыбнулся ему в ответ. В это мгновение Ивор вдруг подумал: «Вот оканчивается жизнь этих двоих людей, князей, а вражда и противостояние остаются, и будут они продолжаться и дальше, когда открыто, когда тайно».

Стало ему как-то не по себе, он стал озираться по сторонам. Увидел спокойного, как всегда в минуту опасности, Василия Бора, богатырскую фигуру Ольбега Ратиборича рядом с ним. Перевёл взгляд вдаль, заметил полные подозрительности плутоватые глаза Всеволода-Кирилла, злорадную усмешку его брата Игоря, а рядом с ними смуглое скуластое лицо незнакомого ему доселе то ли боярина, то ли отрока, на котором застыло выражение лютой злобы. Словно и не человек то был, а некое изваяние неживое.

Улучив мгновение, сунулся Ивор к Василию Бору, спросил шёпотом:

⁹¹ Рака – гроб.

⁹² Колокша – река во Владимирской области. На берегах Колокши в 1097 году сын Мономаха Мстислав разбил рать Олега Святославича.

⁹³ Саккос – праздничное одеяние церковного иерарха, митра – головной убор митрополита или епископа.

– Кто вон тамо, возле Ольговичей, по левую руку?

Так же шёпотом ответил ему воевода:

– Итларевич, вскормленник Ольгов. Из половцев. Вражина наш лютый. Потом, после об нём. Не время покуда.

...Раки с мощами святых поместили, как и намечал Олег, в аркосолии⁹⁴, справа от алтаря. Курился фимиам, с хоров лилось стройное пение хора, читались молитвы. Всё было чинно, спокойно, но в душах у многих собравшихся царила тревога.

Мало-помалу толпа возле церкви стала рассасываться. Выходя из храма, Ивор отметил, что люду уже не столь много. Он стал протискиваться через толпу к постоялому двору, на котором остановился вместе с Василием и ещё несколькими отроками. Мимо прошли несколько жёнок в цветастых свитах и платах на голове. Вот одна из них обернулась, глянула на него. Ивор остановился, будто ударил его кто. Взгляд этот узнал бы он из сотни. Лукавые с серовой паволокой глаза Людомиры обожгли его внезапным огнём. И пока оторопевший от неожиданности отрок приходил в себя, скрылась она, затерялась в толпе. Бросился Ивор следом, продираясь сквозь толпы народа, но так и не сыскал в тот день давнюю свою знакомицу. Василию Бору и прочим решил ничего не говорить. Не хотел отрок, чтобы причинён был девушке какой-либо вред. Позже думал он во всех этих делах разобраться.

...Окончились торжества в Вышгороде шумными пирами, после чего князья, отцы церкви и прочие участники сего события разъехались по своим домам.

Переправившись через Днепр по мосту, ускакали в Чернигов Ольговичи. В другую сторону, в стольный Киев, лежал путь Мономаха и его дружины.

Сияло яркое вешнее солнце, щебетали птицы, мир царил на Руси, но был он хрупок, как тонкое стекло.

⁹⁴ Аркосолий – ниша в церкви для погребения.

Глава 12

Князь Олег скончался в первый день августа, спустя три месяца после торжеств в Вышгороде. На спор с Мономахом в церкви ушли последние его силы, и если бы не гордость и непокорство, не буйный нрав, верно, и сих месяцев не прожил бы тяжелобольной князь.

Перед смертью вызвал он к себе старшего сына, сказал коротко (а говорить долго он уже и не мог, не было сил):

– Сыне, честь нашу княжескую не порушь! За место своё на Руси борись!

– Да, отец, – хрипло вымолвил Всеволод-Кирилл, со скорбью глядя на исхудавшее истончившееся лицо родителя с усталыми глазами.

Помолчав немного, он добавил:

– О том не заботь себя, отец. Возродим мы славу рода нашего. Даст Господь, и до Киева доберёмся.

О намерениях своих ближайших говорить не стал, решил умирающего не беспокоить.

– Добре, сыне, – слабо улыбнулся ему иссушёнными устами старый князь.

Умер он тихо, во сне, вскоре после полудня. Погребли Олега в соборе Преображения Спаса, рядом с отцом, князем Святославом Ярославичем, и старшим братом Глебом.

Обронив скупую слезу возле родительского гроба, Всеволод-Кирилл с братьями сразу после похорон отъехал в Новгород-Северский. Надо было принять многие дела, выслушать доклады огнищан⁹⁵ и тиунов⁹⁶, осмотреться как следует в своём уделе.

Спустя некоторое время трое старших Ольговичей отправились в Киев. Ждал там их непростой разговор с Мономахом.

...Золотая осень царила над днепровскими берегами. В красочный наряд оделись окрестные леса и рощи. Свежий воздух немного дурманил голову, тишина стояла вокруг, по широкому шляху неторопливо шагали кони, катились возы. В такое время князья и бояре часто учиняли многодневные ловы, выходили на туров, на медведей, искали, когда не было ратей, опасных молодецких забав.

Всеволод-Кирилл в этих делах никогда первым не был, храбростью отчаянной и удалью богатырской он не отличался, равно как и молодой брат его Глеб. Иное дело Игорь – тот, хотя с детства и маялся болями в ногах, охоты обожал. Случалось, и супротив тура даже бился, а после хвастался перед братьями, показывая окровавленную страшную морду убитого зверя.

Под стать супругу оказалась и княгиня его, дочь половецкого хана Аепы и внучка Гиргеня. Хоть и была она крещена, но называли её в семье всегда родовым именем – Арсланбика. Метко пускала сия половчанка стрелу в белку и зайца да и копьём умела работать. На Всеволода-Кирилла с Глебом посматривала во время ловов с заметным презрением – слабаки вы, мол. Токмо и умеете, что по постелям бабым лазить. Впрочем, вслух ни разу она их не упрекнула, видно, умная была жёнка. Честно говоря, порой даже завидовал Всеволод-Кирилл Игорю, глядя на красоту молодой княгини. Хороша была белая куманка – волосы цвета льна, глаза серые, чуть с раскосинкой, стан стройный, грудь большая, нос прямой и тонкий. Но чтоб, как холопку какую, затащить её к себе на ложе – такого даже в мыслях старший Ольгович не допускал. В отношениях со снохой всегда соблюдал он наружную почтительность, и Арсланбика отвечала ему тем же, каждый раз при встрече мягко улыбаясь и низя взор.

Сейчас Арсланбика сопровождала мужа в поездке в Киев и, будто и не жена, а воин из дружины, скакала на коне рядом с Игорем.

⁹⁵ Огнищанин – боярин, наместник в княжеской волости.

⁹⁶ Тиун – сборщик дани.

Всеволод-Кирилл, слегка придержав скакуна, поравнялся с братом и снохой, невольно любуясь грациозной посадкой половчанки.

«Словно родилась в седле. Ловка, ничего не скажешь», – подумал он.

– Скоро Киев, – промолвил Всеволод-Кирилл, взглядываясь в даль. – Вон уже Хоревица видна со Щековицею⁹⁷, вон вал городской. Я что думаю, братья! Перво-наперво один я к великому князю пойду. Я старший.

– Енто почто ж тако?! – недовольно проворчал Глеб.

– Воистину, всем нам идти надобно. Как по-иному? – поддержал его Игорь. – Всех ить нас князь Владимир к себе позвал.

Всеволод-Кирилл прикусил губу. Братья были правы. А об Агафье... Если что, надо будет потолковать после. И прежде того ко Григорию сходить, в монастырь Андреевский. Может, он что подскажет.

...На подворье перед княжеским теремом, деревянным, но с каменными башнями, пристроенными по бокам и посередине, было шумно, теснились возы, спешили с докладами о собранной дани тиуны, везде видны были копыя оружных гридней.

– Великий князь киевский Владимир сожидает вас! – торжественно объявил встретивший Ольговичей на всходе санный боярин Семён Тудкович.

Арсланбику проворные челядинки увели на женскую половину дома, в бабинец, трое братьев же проследовали по крутой лестнице на верхнее жило дворца.

Князь Владимир Мономах, не очень высокого роста, но крепко сбитый, широкий в плечах, с правильными чертами лица и короткой рыжеватой бородой, облачённый в долгую греческую хламиду с фибулой⁹⁸ у плеча, под которой просматривалась рубаха голубого цвета с узорами по вороту, рукавам и подолу, встретил их сидя на стольце.

– Здравы будьте, сыновцы!⁹⁹ – молвил он при виде Ольговичей.

Все трое, приложив руку к сердцу, поклонились ему в пояс.

– Разговор у нас сегодня вот о чём будет. – Мономах на мгновение замолк и жестом указал братьям на скамью сбоку от стольца. – Да вы садитесь.

Ольговичи послушно разместились на скамье.

Великий князь продолжил:

– Ведаете, как мы с вашим покойным отцом жили. И дружили в юные лета, и ратились крепко не един раз, спорили, соперничали, враждовали, мирились. – Мономах вздохнул. – Много с тех пор воды утекло. А немало и крови. Вспоминаю прежние сечи жаркие и одного жажду – мира и союза с вами, сыновцы. Чтоб вместе мы и на поганных хаживали, и крамольных князей к порядку и покорности принуждали. И чтоб с сынами моими тоже вы в мире жили. А дабы мир тот скрепить... Есть у меня одна мысль... Ты, Всеволод-Кирилл, слышал я, не женат покудова. Супруга твоя бывшая постриг приняла. Но рази ж гоже красавцу такому в бобылях ходить?! Есть у меня для тебя невеста.

– Какая такая невеста, дядюшко? – Всеволод-Кирилл с наигранным изумлением пожал плечами. Внутри у него радостно забилося сердце.

«Верно, епископ Феоктист помог. Обещал ведь», – пронеслось в голове.

– У старшего сына моего, Мстислава, князя новгородского, дщери подрастают. Девчонки ещё, но пора... пора о будущем их думать. Одну, Ингеборг, за датского принца выдать я порешил, а вот вторая, Агафья, тебе бы, сыновец, в самый раз подошла. Девка она умная, подрастёт малость – верной помощницей тебе станет. Вот и помысли, сыновец, как тебе предложенье

⁹⁷ Хоревица, Щековица – названия возвышенностей вокруг средневекового Киева.

⁹⁸ Фибула – застёжка.

⁹⁹ Сыновец – племянник со стороны брата.

моё. Сей женитьбой скрепили бы мы союз двух ветвей, от единого корня, от прадеда твоего, князя Ярослава Премудрого, растущих.

Всеволод-Кирилл в радостном волнении глотнул слюну и осторожно спросил:

– А где ныне Агафья Мстиславна? Верно, далече, в Новом городе?

– Зимую сожидаю её с отцом и матерью в Киеве. Вот тогда б и обручиться тебе с ней.

«Сам, сам предлагает!» – Старший Ольгович готов был прыгать от радости, но сдержался, встал со скамьи, отвесил Мономаху поклон и отмолвил:

– Честь великая это для меня, княже! Рад буду вельми. Да и по нраву мне княжна Агафья. Красна она, яко яблочко наливное, яко солнышко на небеси!

Мономах рассмеялся.

– Да, говорить ты мастак, сыновец, – заметил он. – Но, надежду питаю, правду ты глаголешь, не лукавишь. А то гляди... Сыны у меня – робята не робкого десятка. Коли что не так...

Он не договорил.

Всеволод-Кирилл ответил ему тотчас:

– О том себя не беспокой. Беречь и любить буду Мстиславну. И сынам твоим скажи: любя, мол, Ольговичу дочь и племянница ваша.

– Воистину, – тихо пробормотал Игорь, кладя крест.

Все трое братьев снова кланялись Мономаху и благодарили его за честь. После, уже когда очутились Ольговичи в выделенных им покоях наверху теремной башни, оба младших заговорили совсем по-иному.

– Привязать он тебя к себе хочет! Будешь, яко баран на верёвочке, хаживать за сынами еговыми! – кричал Игорь.

Вторил ему Глеб:

– Николи мы тогда ни Чернигова, ни Киева, ни какого иного удела доброго не увидим! Будем князьками мелкими в волости захудалой!

– А Агафья сия станет обо всех наших делах и помыслах Мстиславу да Мономаху докладывать! Где что холопки ейные подслушают, где сама что выведает. И будет Мономах держать нас, князей Ольговичей, на коротком поводке! – продолжал сокрушаться Игорь.

– Полно вам! Я, чай, не дурак какой! Всё продумал. Давно решил на сей молодке ожениться! – зло осадил братьев Всеволод-Кирилл. – Что она там кому скажет, поглядим ещё! Зато к Мономашичам я ближе чрез неё стану. Они когда и поддержат, ежели пряха будет со стрьями, с Давидом али с Ярославом Муромским. Ну, с дядькою Давидом ратиться нам не пристало, а вот потом, после. Ведь ни дядька Давид, ни Мономах не вечны. Обоим седьмой десяток идёт. Вот тогда... Тогда и пригодится нам княжна из Мстиславова семейства.

Братья долго молчали, бросая на старшего Ольговича косые неодобрительные взгляды. Наконец Глеб промолвил:

– Для тебя сия женитьба выгодна, но не для нас. Чую, нам сие родство поперёк горла встанет. Что ж. Делать мне в Киеве более нечего. Тотчас в свой Стародуб отъеду. А слова наши попомни, братец. Упреждали тебя!

Он решительно толкнул плечом дубовую дверь и скрылся в переходе.

Всеволод-Кирилл с презрением, кусая уста, глянул ему вслед. Игорь опустил на лавку возле окна и уже тихо пробормотал:

– Вот того Мономах и добивается. Расколоть нас хочет.

– Не расколется, коли мы вместе с тобою будем. А Глебка никуда не денется. Перебесится. Игорь с сомнением качнул головой.

...Вскоре явилась к ним в покой Арсланбика, вся разодетая в парчу – подарок великой княгини Анны, супруги Мономаха. Анна была третьей женой князя Владимира и, как и Арсланбика, происходила из половцев.

Первой супругой Мономаха была англосаксонская королева Гида, её сыновьями были Мстислав, Ярополк и Вячеслав, от второго брака с боярской дочерью у князя Владимира также осталось трое сыновей – Юрий, Роман и Андрей. Когда же вторая жена Мономаха внезапно скончалась, князь вступил в третий брак, взяв в жёны молодую половчанку, близкую родственницу хана Сугры. От Анны у него детей не было, но жили супруги хорошо, тем паче что ныне занимал Владимир великокняжеский стол.

– Там у Анны ткани заморские – паволоки, аксамит¹⁰⁰, шёлк, – рассказывала Арсланбика. – Какая красота! Вот, – указала она на свою хламиду¹⁰¹, – одарила меня великая княгиня. Сказала: ничего для меня ей не жалко.

– Нас тут другим одарил князь Владимир, – с язвительной усмешкой промолвил Игорь. – Всеволоду в жёны внуку свою, дочь Мстислава, сосватал.

– Ну так и что? – Половчанка недоумённо приподняла тонкие дуги покрытых чернью бровей. – Свадьбу сыграем. Что же вы не рады? Тебе, Всеволод, довольно в бобылях ходить. Князь владетельный, не холоп.

– Оно и верно, – согласился Всеволод-Кирилл, радуясь в душе, что хоть кто-то из родни поддерживал его намерения.

Игорь смолчал, лишь передёрнул недовольно плечами.

¹⁰⁰ Аксамит – дорогая восточная ткань, разновидность бархата, чаще синего или фиолетового цвета, с медальонами с изображениями львов и грифонов.

¹⁰¹ Хламида – плащ.

Глава 13

Горели, тихо потрескивая, свечи в больших канделябрах. Свет их переливчато струился, падая на стол, за которым на скамьях друг против друга сидели Мономах и средний сын его, переяславский князь Ярополк.

Великий князь из-под насупленных седых бровей время от времени бросал короткие взгляды на отпрыска. Взор его то становился суровым и жёстким, то теплел, проскальзывала в нём некая мягкость. Вспоминал Владимир, как держал паче тридцати лет назад младенца Ярополка на руках, как крестили его в черниговском соборе Спаса, как учил он сына владеть саблей, как усаживал на боевого коня. Всё то было в далёком прошлом. Ныне уже и матери Ярополковой, княгини Гиды, нет на белом свете, да и сколько событий с тех пор минуло, и не сосчитать, не упомнить враз.

Ярополк, худощавый, светловолосый и темноглазый, с долгими и тонкими перстами, совсем не мужскими, облачённый в зелёного цвета кафтан с высоким стоячим воротом, в лихо заломленной набекрень шапке с меховой опушкой, сильно походил на покойную мать. Уже не раз отличился он в сражениях супротив половецких орд. В знаменитом походе на Сутьень¹⁰² возглавлял молодой князь передовой русский отряд, уничтоживший орду свирепого хана Алтунопы. Да и в волостях, куда сажал его на княжение отец, – и в Ростове, и в Смоленске, и в Переяславле, – довольно уверенно управлялся он, следил за порядком, где надо, мог приструнить боярина или тиуна. Но одно дело – небольшой удел, иное – вся Русь. Не нравилось Мономаху порой излишнее легкомыслие сына, зачастую не думал он о последствиях своих поступков, часто прощал он провинившихся там, где следовало бы их примерно наказать, и, наоборот, мог по ложному навету, не разобравшись, наказать невинного.

И ещё одно – никак не оженится Ярополк. Уж сколь много раз внушал ему великий князь о необходимости завести супругу, но в ответ лишь отмахивался сын, говорил, что женится тогда токмо, когда полюбит по-настоящему. Покуда же... вот давеча¹⁰³ обнаружил невзначай Мономах в занимаемом сыном покое женскую сандалию, а ещё подвеску, кою носят знатные жёнки. Дознался – путается Ярополк с одной переяславской молодкой, вдовушкой из купецкой семьи. Привёз её втайне от отца с собой в Киев. Разгневался было князь Владимир на этакое беспутство, но остыл вскоре. Не до того было, и не для болтовни о жёнках вызвал он Ярополка из недалёкого Переяславля.

Поглаживая седую бороду, неторопливо вёл Мономах непростой разговор.

–Беспокоит меня, сыне, из прочих владетелей нынче меньский¹⁰⁴ князь Глеб. Из всего рода полоцких князей самый он лихой. Весь в отца своего покойного, Всеслава свет-Брячиславича, выдался. Со Всеславом, как ты ведаешь, много лет я ратился. То на Смоленск, то на Псков сей хищник насакаивал, то Новгород пожёг, лиходей. Отвечал я, под самый Полоцк хаживал, да и Меньск единожды с землёю сровнял. Всё велел выжечь, жителей всех вывел. Но всё едино – возродился сей град, и оттудова Глеб разбойничьи набеги свои совершает. Не токмо ливов¹⁰⁵ да эстов¹⁰⁶ в полон хватает в Подвинье¹⁰⁷ – то не наши земли и не наши рати, – но и на смоленские, и на туровские волости, и на Черниговщину налетает. Хватает людей русских,

¹⁰² Битва на Сутени (на реке Молочной) между русскими и половецкими войсками состоялась 4 апреля 1103 года и закончилась разгромом половцев.

¹⁰³ Давеча – недавно.

¹⁰⁴ Меньский – минский.

¹⁰⁵ Ливы – в древности народ, живший на территории совр. Латвии.

¹⁰⁶ Эсты – предки совр. эстонцев. На Руси их также называли чюдью.

¹⁰⁷ Подвинье – здесь: земли по берегам Западной Двины (территория совр. Белоруссии и Латвии).

продает их купцам заморским в рабство. Давеча Слуцк копьём взял¹⁰⁸, лиходея, всех жителей из града сего вывел. Вот и думаю: пора злым Глебовым делишкам конец положить.

– Что, рати велишь мне готовить, батюшка? – спросил, улыбнувшись, Ярополк. – Да то мы вборзе¹⁰⁹ справим. У меня дружина завсегда наготове. Полк пеший такожде тысяцкий Станислав Тукиевич вмиг соберёт.

– Се добре. – Мономах снова огладил бороду. – Да токмо, сыне, не одни кияне да переяславцы на рать со Глебом идти должны. Хочу и черниговцев, и северян, и туровских князей к сему походу привлечь. Чтоб увидал князь Глеб единство наше.

– Да в чём труднота? – пожал плечами Ярополк. – Мыслию, все сии князья тебе послушны, все рати приведут, токмо прикажи.

– Ну, Святославич Давид – тот давний наш союзник, в нём уверен я, не откажет. А вот Ольговичи... – Великий князь остановился на полуслове, прикусил уста, затем закончил: – Гонца надобно к им слать. Грамоту составим. И в послы хошу я отправить... – Снова примолк Мономах, раздумывая, и добавил решительно: – Ивора, сына воеводы Дмитра.

– Рискованно се, отче. Воевода Дмитр давним ворогом покойному князю Олегу был. Могут на его сыне Ольговичи отыграться, вспомнят прежние обиды.

– Вот я и погляжу тогда, насколько они мне и вам, сынам моим, дружны и союзны. Коли станут выше прежних обид, стало быть, можно будет тогда и племянницу твою, Агафью, за старшего Ольговича отдать.

Ярополк резко вскинул голову. Не знал он ещё об этом намерении отца и немало удивился.

– Агафью! За Ольговича!

– Зато мирен, даст Господь, будет нам первенец Ольгов. И сейчас, и в грядущем, – промолвил князь Владимир. – И помни, сын: в мире нашем нет ничего вечного. И жёны вельми часто на мужей своих влиянье имеют. И ворогов в союзников превращают. Такое не раз бывало.

Великий князь выглянул за дверь, кликнул дворского боярина, велел звать Ивора.

Как только молодой дружинник появился в дверях и отвесил обоим князьям глубокий поклон, Мономах объявил ему:

– Важное дело поручаю тебе, Ивор. Поскачешь в Новгород-Северский, к Ольговичам. Тамо они нынче обретаются. Грамоту тебе дадим. Передашь на словах: залютовал, забузил и отказался ходить в воле моей меньший князь Глеб. Потому готовьте, князья северские, дружину и полк. Усмирить надоть волка сего! Ты же, Ярополче, с переяславцами, совокупив силы свои с Давидом Черниговским и с Ольговичами, выступишь на Друцк. Что се за город такой, знаешь, думаю. Тамо людей русских в рабство сотнями продают, везут на ладьях по Двине да по Волге, кого в гаремы бесерменские¹¹⁰, кого в холопы в западные земли. Искоренить се зло надобно, покончить с позором таким в землях русских!

– Понял я, отче. Содею по твоему веленью! – Ярополк согласно наклонил голову.

– А тебе всё ли ясно, отроче? – спросил князь Владимир Ивора. – Отец твой много лет мне верою и правдою служил. Послужи же топерича и ты!

– Да, княже! – снова кланялся Ивор князьям в пояс.

– Грамоту как получишь, так и езжай. На конюшне скажи, чтоб лучших коней тебе подобрали. Князь, мол, повелел. И скачи, поспешай.

Едва скрылся Ивор за дверью палаты, сказал Мономах сыну:

– Этот не подведёт, думаю. Не должен подвести. Пойдут Ольговичи в поход.

¹⁰⁸ Взять копьём – захватить штурмом.

¹⁰⁹ Вборзе – быстро, скоро.

¹¹⁰ Бесерменский – мусульманский.

Глава 14

На высоком правом берегу Десны, на самой круче, размещался детинец Новгород-Северского, или Северы, как называли этот город в народе. После Чернигова он считался вторым по значению в древней земле северян. Вокруг детинца раскинулся с южной и восточной стороны довольно обширный окольный град, обнесённый валом с деревянной стеной внушительной высоты. Новгород-Северский был хорошо укреплён, это отметил Ивор, едва только его намётанному взору (а побывать ему в последние пару лет довелось во многих русских городах) открылись городские строения, обрамлённые с севера уходящим за окоём густым хвойно-лиственным лесом, а за рекой, на левом, противоположном берегу, обширными заливными лугами.

Весенний воздух дурманил голову. Было свежо, с реки задувал ветерок, дышалось легко и привольно. Не хотелось думать о скорой войне, о ратях, сражениях, вот так скакал бы и скакал по тропе вдоль берега Десны, то взмывая на кручи, то спускаясь вниз, пересекая очередной звонкий ручей или малую речушку, каких в сих местах невестимое множество.

...Ивор въехал в окольный город через южные Черниговские ворота. Вторые ворота, рекомые Курскими, располагались с другой стороны, из них шёл широкий шлях в дальнее Посемье¹¹¹, на самую границу со степью. Через третьи ворота, Водяные, пролегла дорога от детинца к вымолам на берегу Десны. Ещё одни ворота, Острожские, находились у въезда из окольного города в детинец. Туда Ивор и направил двух своих коней – одного, на котором, собственно, сейчас и ехал, и второго, поводного, запасного. Скакуны достались ему добрые, шли бодро, быстро. В перемётной суме вёз молодой дружинник грамоту Мономаха.

За Острожскими воротами открылась его взору церковь Успения Богородицы, обновлённая и украшенная стараниями покойного князя Олега. В вышине, над куполами, увенчанными золотыми крестами, парили голуби. Небо было ярко-голубым, светило солнце, день выдался ясным и солнечным.

По соседству с церковью, с северо-западной стороны размещался огромный княжеский дворец, деревянный, но с каменной срединной башней. Чёрный орёл на серебряном поле – знак Ольговичей – гордо реял над зубцами башни.

...Двое князей, хорошо знакомые уже Ивору, Всеволод-Кирилл и Глеб, приняли киевского гонца в горнице, украшенной майоликовыми¹¹² щитами и оружием на стенах. Оба князя были одеты просто, в длинные свиты из грубого сукна. На княжеское достоинство указывали лишь пояса с вкраплениями дорогих камней да толстые серебряные гривны на шеях. Молча выслушали Ольговичи повеление Мономаха. Всеволод-Кирилл выглядел спокойным; прочтя грамоту, он отложил её в сторону и промолвил наконец:

– Ждали такого. Давно князь Глеб Всеславич воду мутит, татьбой да продажей в рабство русских людей промышляет. Ступай, гонец, отдохни. Лошадей свежих тебе дадим, воротишься ко князю Владимиру, скажешь: ходят князья северские в его воле.

Глеб Ольгович молчал, лишь недобро скользили по лицу Ивора его жгучие тёмные глаза, да вроде как даже слышал сын воеводы Дмитра в тишине палаты злобный скрежет зубов младшего Ольговича.

Впрочем, по жесту Всеволода-Кирилла он поспешил покинуть княжескую палату. И едва закрылась за ним дверь, как Глеб, хрипя от злости, прошипел:

– Унизить нас Мономах измыслил! Ворога сего гонцом прислал! Тако и папашу егового ранее присылал к нашему отцу, и дерзко вельми тот себя вёл в тереме! Отец тако сказывал!

¹¹¹ Посемье – земли по берегам реки Сейм, притока Десны.

¹¹² Майоликовый – изготовленный из обожжённой глины.

Всеволод-Кирилл спокойно ответил ему:

– Ты бы, брат, не переживал. А что до воеводы Дмитра и вражды его с родителем нашим, дак то давно было. И помни: сын за отца не в ответе. А что до Всеславича, то общий он наш враг. Мономах прав: пришла пора наказать хищника!

– Тебе хорошо рассуждать. На внучке Мономаховой женишься вскорости! А мне, а нам с Игорем как быть?! В хомуте, яко кони смердовы, хаживать, приказы из Киева слушая?! Али не князя мы вовсе, но подручники Мономаха и воли своей не имеем?! – распалившись ещё сильнее, вскричал Глеб. – Да я б сему врагу, Иворишке, тотчас башку бы срубил!

– Уйми гордыню свою! – теперь уже разгневался Всеволод-Кирилл. – Говорил ранее и сейчас тебе говорю: не наше нынче время. Выждать надо, силы накопить. А враждовать с Мономахом и его сыновьями – себе дороже выйдет. Пробьёт и наш час, брате, непременно пробьёт. Выждать только, вытерпеть надо. Вот представь себе: сидишь ты в засаде и ждёшь врага. Длани чешутся, выскочить бы и в рубку сабельную кинуться. Но сидишь, ждёшь, знаешь: враг тебя сильнее и в открытую с ним не совладаешь. А настанет час удобный – будет и рубка, и успех, и победа. Надо только час этот угадать.

Глеб смолчал, скрипнул зубами, ожёг старшего брата волчьим злым взглядом, опустился на скамью возле печи.

– Дружину стародубскую приготовь. Возле Стародуба нас с Игорем и встретишь. Пойдём оттуда на Друцк, – заключил старший Ольгович, решительно заканчивая толковню.

Глеб снова смолчал, снова зло скрипнул зубами. Понимал он, что Всеволод-Кирилл прав.

Следующим утром отъехал Глеб в Стародуб. А следом за ним, получив грамоту с серебряной печатью у княжеского дьяка, отправился в обратный путь до Киева и Ивор.

Назревала на Руси очередная ратная страда.

Глава 15

Поход на меньские земли князь Владимир Мономах продумал до мелочей. Ударили дружины с трёх сторон, рассекая и круша по частям владения крамольного Глеба Всеславича.

Основной удар Мономах, самолично встав во главе туровцев и киян, нанёс на самый Меньск. Внезапным лихим налётом пройдясь по небольшим городкам и сёлам на Березине и Свислочи, обступили оружные рати главную вражескую твердыню.

В то же время смоляне, возглавляемые сыном великого князя Вячеславом, сумели быстро овладеть двумя важными городами на Днепре – Оршей и Копысью. Переяславцы же вместе с черниговцами вклинились между остальными войсками и скорым маршем вышли на берега Друти. Впереди замаячил Друцк – цель Ярополка и Ольговичей.

Молодой Ивор поначалу находился в киевской дружине, но уже под самым Меньском Мономах вызвал его к себе, протянул грамоту на бересте и приказал скакать к Ярополку:

– Возьми двух гридней! Будешь посыльным. И на словах поведай сыну моему и сыновцам, где мы стоим нынче! Вижу, парень ты смекалистый! Думаю, справишься.

Вонзив бодни в бока коня, галопом помчался отрок по лесной дороге, аж дух захватывало. Пожилые бывалые гридни, приставленные к нему, пути здешние хорошо знали, а потому до лагеря Ярополка и Ольговичей добрались они уже на следующий день.

В воинском стане над шатрами плескались на тёплом весеннем ветру стяги – алый с вершником в доспехах переяславский и с чёрным златоклювым орлом на серебряном поле черниговский. Вдали на левом крыле реяло зелёное с жёлтыми саблями по краям и крестом посередине знамя северян. Там, вероятно, обретались сейчас Всеволод-Кирилл и его братья.

Подъехав ближе, Ивор смог хорошо рассмотреть вражескую твердыню.

Друцк опоясывал огромный, высотой сажень в пять, а то и более, земляной вал, наверху которого виднелись стены, стрельницы и башни, сложенные из крепкого морёного дуба. Но даже и к валу самому подобраться было непросто – у подножия его вырыт был немалой ширины ров, наполненный почти до краёв отведёнными от Друти водами.

«Вроде и речушка невелика, а сколь воды много», – подумал отрок, глядя на подёрнутую лёгкой рябью водную гладь рва.

Доложив князю Ярополку всё веленное Мономахом, Ивор быстро покинул княжеский шатёр и осмотрелся.

В лагере союзной рати кипела работа. На опушке близлежащего лесочка разместились плотницкие артели, всюду сопровождавшие воинство.

Старый знакомец Василий Бор, с небольшим отрядом посланный ранее Мономахом в помощь Ярополку, встретил Ивора возле одной из веж.

– Туры осадные да пороки мастерят, – пояснил отроку опытный воевода, глядя на работу плотников. – Без оных никакая осада не обходится. Вот изготовят такую туру, высотой яко стена крепостная, поставят на колёса. Через ров мостки, гати перекинут да и подвезут сию туру к самой крепости. Оттуда уже и на стену взобраться можно будет.

– А пороки, они как устроены? – вопрошал любопытный Ивор.

– Пороки-то? Ну, енто яко домик малый, бревенчатый, в нём оконце прорублено. К верхам домика внутри на ремнях крепких из воловьей кожи бревно, обитое с торца железом, подвешено. Ну, раскачивают сие бревно несколько человек да через оконце в ворота али в стену вражью ударяют.

– И что?

– Да частенько бывает, что стену проламывают. Али у ворот створы собьют. А уж тогда, почитай, и врываются вой¹¹³, осаждающие внутрь крепости. Правда, иной раз тяжко приходится. Есть города, в коих по две, а то и по три стены. Вот и бьёшься меж семи стенами, а отовсюду сверху стрелы дождём сыпятся да вар смоляной на головы льётся. Но в Друцке, кажись, такого нет.

Переяславцы разбили свой стан поблизости от мастеровых. До этих мест выпущенные из города стрелы долететь никак не могли, было довольно безопасно.

Спустя короткое время старшие дружинники собрались на совет в шатре у князя Ярополка. Ивор ждал княжеских повелений возле входа в шатёр и хорошо слышал, о чём шла речь на совете.

– Верно мы место для стана выбрали. От крепости далече. Стрела не долетит. Ежели токмо на вылазку дручане осмелятся. Но то вряд ли. Думаю, силёнок у них не хватит, – говорил Василий Бор князю Ярополку и его ближним людям.

– Оно верно, – согласился с ним седовласый пожилой Станислав Тукиевич, переяславский тысяцкий, многолетний сподвижник Мономаха и его сыновей.

– Тако оно. Да токмо мы ить не отдыхать, не прятаться и не сидеть на месте сюда прибыли! На штурм сего гнезда разбойничьего идти нам надобно! – довольно резко возразил Василию Ольбег Ратиборич, сын ещё одного из ближних Мономаховых воевод.

Лет сорока от роду, широкоплечий синеокий красавец с копной густых светлорусых волос, Ольбег был уважаем и любим в дружине Ярополка за отчаянную храбрость и ратное умение. Сейчас он, в отличие от многих, сидел на кошмах, не снимая с себя дощатой брони, только шелом с наносником и подшлемник из кожи снял. Шелом положил рядом с собою, подшлемник же с «ушами» держал в руках, перебирая с заметным возбуждением перстами. Не терпелось удалому вояке поскорее ринуться в бой, в пекло смертельной схватки.

– Успеем. Но чтоб сию крепость взять, надоть и тыл надёжный иметь. Чтоб отступить куда было, – промолвил, недовольно морщась, Станислав Тукиевич. – А сюда дручане не сунутся, побоятся далеко от крепости уходить. Прав воевода Василий.

– Да ты ить, боярин, не раз с половцами в лютой сече рубился! Что ж тебе топерица сих дручан пугаться! Да мы их мигом! – махнул рукой Ольбег.

Готов был, по всему видать, поддержать удалыца князь Ярополк, но снова взял слово Василий Бор.

– Половцы – у них крепостей таких нету. Стихия ихняя – чисто поле. А сии, – указал он в сторону Друцка, – вельми добро укрепились, изготовились к осаде. И думаю, в прямую сшибку коли мы пойдём, то токмо люду много потеряем.

– И что ж ты нам предлагаешь, воевода славный и многомудрый? – с явной издёвкой в голосе спросил его Ольбег. – Стоять у сего городка седмицами и ждать, когда они сами сдадутся? Тако и цельный год пройдёт, и не добьёмся мы ничего.

Во взгляде Василия Ивор прочитал откровенное презрение.

Ответил Ольбегу воевода так:

– Нет, не то я посоветую здесь. Вот артельщики наши туры возводят. Туры сии надобно будет выкатить и ко вратам подвести. Завяжем бой. А часть нашего воинства с другой, с полуночной стороны от крепости расположим. И... есть ить у нас смола, сера. Стрелы огненные стрельцы пущать почнут. Подожгут стену, башни. Сумятица тогда дручан охватит. Вот тогда мы с туров на заборол перелезем и чрез проломы ворот такожде в город ворвёмся.

Ольбег на сей раз смолчал, зло прикусив губу.

– Василий прав. Тако и надо содеять, – коротко обронил князь Ярополк. – Пошлю к Давиду и Ольговичам. С ими ещё перетолкую.

¹¹³ Вой – воины. Воями обычно на Руси называли не профессиональных ратников, а взятых на время войны в ополчение.

...Сгустились сумерки. Дружинники собирались вокруг костров, готовили нехитрое кушанье, вели неторопливые беседы. Ивор присел возле одного из костров. Седоусый переяславец, пробуя деревянной ложкой готовящуюся в котелке рыбную похлёбку, рассказывал двоим молодым воинам:

– Места здесь, на Полочанщине, дикие, окрест леса дремучие да топи. Сказывают люди, в лесах сих великаны – асилки встречаются, на путников нападают. Росту асилки под две сажени, и питаются они человечиною. Не приведи Господь такого повстречать. Ещё бают, охотятся они на жёнок, силою их берут. После жёнки рожают от их, но сами при родах гибнут. И вырастает из семени асилкового новый исполин.

– Что ж у их, своих жёнок нету? Почто наших хватают? – недоверчиво выслушав седоусого, спросил один из молодых.

– Есь и свои, да, видать, мало их. Вот и гоняются за нашими бабами. А вообще скажу, други, нехоженных троп в сих местах ох как много! Ещё слышал я об оборотнях. Находит такой человек во глухом лесу некий особый пень, трижды возле него переворачивается чрез голову и волком оборачивается. Да токмо не простым волком, а огромным, с шерстью чёрною.

– Говорят, покойный князь Всеслав, отец нынешнего Глеба, оборотнем был, – вставил второй молодой переяславец. – Мне отец рассказывал, как брали наши единожды Полоцк, дак удрал он из града, волком оборотившись. И возле шатров княжеских, на опушке леса, на челядина он набросился и горло ему едва не перегрыз.

– Брехня! – решительно заявил первый отрок. – Не может такого быть!

– Никакая то не брехня! Многие сего волка видели. Князь Святополк Изяславич даже стрелу в его пустил, поранил, да токмо ушёл тот волчина в лес. А после Всеслав матери Святополковой ту стрелу показывал.

– Всё одно не верю тебе, Игнат. Не может человек волком оборотиться!

– Ещё как может! Не ведаешь ты ничего!

– Полно вам! – хмурясь, оборвал споры седоусый. – Давайте-ка лучше ушицы испробуем. Вкусная она получилась. И ты, гонец, – обратился он к Ивору, – с нами трапезу раздели. Нака вот, держи ложку.

Быстро стемнело, высыпали на небо звёзды, горели во мраке ночи костры. Тишина царила за стенами Друцка, затаились горожане в тревожном ожидании. Шумел в ушах порывистый ветер. Внизу, в овраге, слышался лёгкий плеск воды в речушке. Смежил Ивор веки и погрузился в беспокойный сон. По соседству шумно храпел седоусый переяславец.

Глава 16

Наутро покатались к городским стенам две высокие башни-туры. Через ров, укрываясь щитами от летящих непрерывным потоком стрел, перебросили вои-ополченцы мостки из крепко связанных между собой верёвками брёвен. К самому валу подступили туры, и вот уже первые ратники в кольчатых и дощатых бронях поспешили на заборол¹¹⁴ стены.

Вместе с другими бежал вверх, взбираясь по лестнице на крышу туры, и Ивор. Довольно легко перепрыгнул он на заборол, схлестнулся на мечях с каким-то рослым дручанином, отбил его удар, сам ударил с размаху, со всей силы, по вражьему шелому. Противник шатнулся в сторону, упал, Ивор рванулся дальше, со стены сбежал внутрь города, очутился затем посреди широкой площади, обрамлённой невысокими одноярусными строениями, напоминающими амбары и бретьяницы¹¹⁵. Сразу несколько наскочили на него, обступили. Не сразу понял отрок, что оказался в этом месте один и что бой продолжается ещё наверху, на стене.

Некий ражий детина, видно, старший, крикнул своим:

– Убейте сего!

«Ну вот и всё, отроче! Не выбраться, не отбиться мне от них!» – подумал Ивор, в отчаянии отражая градом сыпавшиеся на него удары мечей.

Щит, расколовшись надвое, полетел наземь.

– Пойдите! – раздался вдруг откуда-то справа, со стороны одного из окружающих площадь строений, звонкий тонкий голос.

Ратник в серебрящейся дощатой броне, невысокий и шуплый на вид, бежал к месту схватки. Лёгкая сабелька посверкивала в деснице, на левой руке висел небольшой круглый щит, обтянутый кожей.

– Войт, не губи сего! – крикнул ратник старшему, и тот тотчас, крикнув:

– Довольно! Хватайте его! – остановил уже занесённые над головой Ивора мечи.

– Брось свой меч и сдавайся! Всё едино, али полон, али погибель! – зло ухмыльнувшись, добавил Войт, обращаясь к Ивору.

Молодой отрок, понимая бесполезность сопротивления, молча отдал ему в руки своё оружие.

Спаситель Ивора стянул с головы шелом с волчьей прилбицей. Рассыпались по плечам золотистые волосы. К изумлению своему, узнал Ивор в воине Людомиру.

– Отведите его в темницу. Пушай посидит под замком покудова! После сечи определим, как с сим ворогом быти! Может, выкуп заплатит! – объявил Войт, хмуря густые лохматые брови.

Двое стражей повели Ивора к полукруглому приземистому строению, находящемуся немного в стороне от площади. Они приказали пленнику снять кольчугу и, когда остался он в одной нижней суконной рубахе, грубо толкнули через порог. Скрипнула тяжёлая дубовая дверь, лязгнул замок, и оказался Ивор во мраке в сыром углу помещения без окон. В углу, в груди сена, прошуршала мышь. Ещё не осознавший до конца, что же произошло и как ему теперь быть, опустил отрок на холодный земляной пол.

Заскрипел вновь замок, дверь отворилась. Явилась внезапно Людомира, всё в тех же доспехах, без шелома.

– Как ты тут?! Спасла меня от погибели! Зарубили б енти! Вон их сколько было! – промолвил Ивор, выдавив из себя некое подобие улыбки.

Девушка приложила палец к устам.

¹¹⁴ Заборол – площадка наверху крепостной стены.

¹¹⁵ Бретьяница – кладовая.

– Молчи! – прошептала она. – Не должна я тут быть! Ты меня спас тогда от полона, от поругания. Топерича и я... от смерти лютой тебя охранила! В расчёте мы отныне. Но ежели вдругорядь¹¹⁶ попадётся мне, то пощады более не жди. Дружинник Мономахов! – Лицо Людомиры исказила злость. – Как же я таких, как ты, ненавижу! Отца убили, мать убили, брата убили! Капища наши родовые сожгли, дома разграбили! Отомщу, отомщу непременно! Но на тебя зла не держу я, отрок. И благодарной быть умею. Ты сиди покуда тихо. Потом решу, что с тобой делать. Слышишь, сеча на стенах идёт. Боюсь, побьют наших! Ну, пора мне!

Людомира поспешно скрылась за дверь. Опять лязгнул замок, опять мрак окутал Ивора. Вслушивался пленник в звуки, доносящиеся со стороны стены, но вскоре всё стихло.

Лёжа на земляном полу, провёл Ивор ночь. Когда же через узкую щель в двери проник в камору солнечный луч, донёсся до ушей его звон железа и крики. Где-то поблизости просвистела стрела. Шум усиливался, внезапно запахло гарью.

Сильный удар чего-то тяжёлого, вернее всего, меча, обрушил замок на двери. Дверь настезь распахнулась. На пороге возник высокий худощавый ратник в кольчуге.

– Эй, кто тут! А ну, выходи на свет Божий! – послышался громкий, видно привычный к командованию, голос.

Жмурясь от яркого солнца, поспешил Ивор на волю.

Скользом оглянув место давешней схватки, обнаружил он того самого Войта. Лежал дручанин на спине, раскинув широко в стороны руки. На голове его зияла страшная рана от удара мечом. Здесь же, рядом с ним покоились вчерашние супротивники Ивора.

Отрока и его спасителя окружили пешие дружинники.

– Кто еси? – спросил отрока худощавый.

Отрок представился:

– Ивором мя звать. Из дружины переяславской. Вчера во время боя обступили сии, – указал он на поверженных врагов, – полонили.

– Вон оно как! – Худощавый огладил костистой дланью седую долгую бороду. – А я сотник северянский, Пётр Ильин. Что ж, велю отвести ты в лагерь ко своим. Верно, уж мёртвым ты тамо почитают!

Только сейчас Ивор заметил, что выручивший его из полона сотник весьма немолод: на вид, верно, было ему лет под шестьдесят. Но, по всему видать, ратник был добрый.

– Ты срубил? – полюбопытствовал сын Дмитра, указывая на труп Войта.

– Я, – коротко отмолвил Пётр Ильин. – Силён оказался, враг! Долго мы с ним ратоборствовали!

– Се – князя меньского осьмянник!¹¹⁷ За старшего был тут, в Друцке, – пояснил один из северских ратников. – Сволочь изрядная! Пошлины за людей русских, в полон угодивших, брал с купцов! На том и наживался, гад!

– А тебе, парень, здорово повезло! – добавил другой северянин. – Вовремя ваши переяславцы стену полуночную подожгли. Ну, мы тогда и ворвались в ворота. А тебя могли и стубить тати сии! Они когда отступают, всех пленных в мечи!

– Вот что, други! – Ивор стал оглядываться по сторонам. – Девка тут одна молодая с ими была. В брони такой серебристой, росту невеликого. Не видали вы её нигде?

– Да нет вроде. Девки не было. Токмо полонянки одни, коих сии враги умертвить не успели. Быстро пото¹¹⁸ как мы в город влетели. А чтоб в брони... – Северяне пожимали плечами.

¹¹⁶ Вдругорядь – в другой раз.

¹¹⁷ Осьмянник (осменник) – административная должность в Древней Руси; возможно, сборщик торговых пошлин (1/8 часть стоимости товара забирал в казну).

¹¹⁸ Пото – потому.

В тот день Ивор вместе с Василием Бором, который был немало обрадован, что сын воеводы Дмитра жив и здоров, обшарили весь город, проверили всех полонянок, но Людомиры так и не сыскали. Зато в одном из складских помещений обнаружили они кольчугу и шелом Ивора. Находке сей молодой отрок был весьма рад. Как-никак, а стыдно и неприятно было ему возвращаться в воинский стан, лишившись доспехов.

– Ловкая девка сия Людомирка! Думаю, ушла от нас снова, – с усмешкой говорил Василий, когда они вдвоём коротали вечер у очага в походной веже.

– Как мыслишь, Василий, откуда она тут взялась? – спросил, разведя руками, Ивор. – Никак не думал тут её узреть.

– Да Бог весть. Полагаю, охранять пленных нанялась она вместе с сородичами своими. Ну, за охрану князь меньский серебра, верно, отсыпал. Девка-то ить непростая. Сам баишь, даже осьмянник Войт и тот её послушался. Но то, что повстречалась она тебе, выходит, к удаче твоей, Ивор.

Сын Дмитра молча кивал головой, глядя на играющие в очаге языки пламени.

Глава 17

Догорали вдали стены разорённого Друцка, чёрный дым клубился над ещё совсем недавно казавшейся несокрушимой твердыней, а множество полоняников толпами шли под охраной дружин берегом Друти. Мычала скотина, скрипели колёса телег. Среди взятых в плен были и коренные дручане, но большинство составляли захваченные князем Глебом Меньским и его ратниками жители Копыси, Слуцка, Орши и земли ливов. Некоторых, выходцев из зажиточных семейств, отпускали за выкуп, но многим предстоял долгий путь на южное пограничье, на Переяславщину. Там по велению князя Ярополка предстояло заложить новый город, где и замыслил князь поселить захваченных пленных.

Медленно двигались обременённые добычей ратники по равнине. Вечерами разбивали вежи на высоких берегах рек, наряжали сторожи, зажигали костры.

Всё было как обычно, многие дружинники черниговские и северские радовались – немало добычу взяли они в разбойном Друцке, но на душе у Всеволода-Кирилла скребли кошки.

Хмуро взирал он на толпы полоняников, на булатные шеломы Ярополковых переяславцев, на наполненные различной рухлядью воинские обозы. Тяжко было осознавать, что вот он, владетельный князь, всего лишь подручный слуга какой-то у Мономаха и его сыновей. Понимал, ох как понимал он сейчас своего отца – его гнев, его нетерпение, его порой отчаяние от безысходности, от невозможности изменить своё положение! Порой хотелось вырвать из ножен саблю, ринуться вместе с братьями вперёд да искрошить переяславскую дружину – вот так, в «мясо», на полном скаку, с ветром ушах! Знали чтоб, что с ними, князьями Ольговичами, как с холопами поступать нельзя!

Одёргивал себя, понимал, что рано, рано! Копить надо силы, кивать согласно, уступать на время.

Спору нет, покойный князь Олег в последние лета жизни своей удел на крайнем юго-востоке Руси укрепил, Новгород-Северский из захолустного городка превратился в большой, наполненный людьми и товарами из близких и дальних земель центр богатого княжества. По соседству с ним расцвели, укрепились, выросли Путивль, Рыльск, Трубчевск, Курск. Но всё одно, сил для большой державной игры, ставки в которой – Чернигов и Киев, покуда не хватало. И следующим шагом на пути к своему возвышению должна теперь стать для Всеволода-Кирилла женитьба на дочери Мстислава. Впрочем, и тут порой овладевали старшим Ольговичем сомнения. А ну как окажется вдруг юная Агафья наушницей и станет о каждом его шаге, о каждом деле доносить отцу и деду. И тогда будет он биться в бессилии, яко птица в клетке, и никогда ничего не добьётся. Но нет, надо верить и надеяться на удачу.

В один из вечеров, когда сидел Всеволод-Кирилл в одиночестве в своём шатре на кошмах у очага, думая невесёлую думу, один из гридней, просунув голову в войлочную занавесь, сообщил:

– Княже! Тамо жёнка одна, в вотоле дорогом. Говорить с тобой желает!

Всеволод-Кирилл сразу оживился:

– Кличь её скорей! Верно, вести важные.

Он сразу узнал в красивой женщине с нарумяненными яблочками ланит и густо набелённым лицом княгиню Анастасию Ярополковну, жену Глеба Меньского.

«Вот ведь не испугалась одна, без охраны, в стан вражеский явиться! Воистину, бедовая жёнка!» – успел подумать Всеволод-Кирилл, прежде чем княгиня Анастасия, расположившись напротив него на кошмах, заговорила, затараторила неожиданно быстро:

–Вижу, признал меня, братец трёхродный!¹¹⁹ Вот, просить приехала. Помог бы мне мир stworить. Супруга моего, князя Глеба, осадил стрый¹²⁰ твой и мой Мономах в Меньске, обложил так, что и мышь не проскользнёт. Надолго собрался стоять тамо, измором, верно, порешил город взять. Даже избу себе велел срубить посреди стана. И сколько раз Глеб к ему ни посылал бояр своих, не соглашается на мир идти. Хорошо, меня с сынами заранее в Полоцк муж мой отправил, а то бы изголодались тамо, в осаде сиживая. Так ты, братец, съездил бы, побаил с Мономахом. Тебя, может, он послушает. Как-никак, зять будущий.

По ярко окрашенным алым устам женщины проскользнула улыбка.

«Сколько ей должно быть лет? Сорок два, где-то так. На девять лет меня старше. А сколь красива! И выглядит молодо! И не подумаешь, что мать четверых сыновей!» – размышлял Всеволод-Кирилл, всматриваясь в черты лица меньской княгини.

Волосы золотистые, локон виден из-под цветастого платя, очи серовато-голубые, носик невеликий и острый. Такой же красавицей была и её мать, немка Кунигунда-Ирина, и, говорят, покойная бабка, полька Гертруда. В последний раз старший Ольгович видел княгиню Анастасию больше десяти лет назад, когда в Вышгороде освящали выстроенный на деньги его отца храм. Впечатление было такое, что годы не затронули эту женщину, не потеряла она нисколько своей красоты. Всё такая же стройная, без морщин на лице, с тонким станом (это Всеволод-Кирилл отметил, когда сбросила она с плеч вотол и осталась в платье доброго сукна, перетянутом тонким кожаным пояском).

Меж тем Анастасия продолжала:

– Ты не думай, не пустая я приехала, не нищенка, чай. Воз с собою привезла разноличной рухляди. На свадьбу тебе и твоей невесте пойдёт. От переяславских людишек хоронились мы в пути, в дубраве отсиживались до вечера, а потом и рискнули к тебе дорогу отыскать.

– Много ли с тобой людей? – прорвался сквозь речь Анастасии Ольгович.

– Трех ратников Глеб дал, да ещё десять в Полоцке наняла я. Так поможешь, братец?

– Попробую, сестрица. Но, сама ведаешь, могут ведь меня и не послушать Мономах и ближники его, – раздумчиво глядя на огненные сполохи в очаге, промолвил Всеволод-Кирилл. – Ты мне ответь: почему ко мне стопы направила, но не к стрью моему Давиду и не к Ярополку?

– Стрый твой Давид – тряпка! Извини, не обижайся, но правду я глаголю! Всю жизнь он в чужой воле хаживает. Ежели б я к ему сунулась, токмо б руками замахал, закрестился, да и не содеял бы ничего со страху. А Ярополк – он мог и как заложницу меня захватить. Ты, я думаю, так не поступишь. Невыгодно это тебе.

– Это почему же? – Всеволод-Кирилл хитровато прищурился.

– А на что тебе, братец, Мономаха и сынов его усиливать? Чем больше прочих князей в разных волостях на Руси будет, тем ить оно для тебя лучше. А то окружат вас, Ольговичей, со всех сторон Мономашичи, что и вздохнуть свободно не сможете. Енто вы так, покуда за ими идёте, поскольку силёнок маловато. Но мир ить наш переменчив. Али не тако я сказываю?

«Умная баба. Всё понимает, обо всём догадывается. Лучше Игоря и Глеба в делах княжких разбирается. Да и муженька своего тоже, видать», – пронеслось у Всеволода-Кирилла в голове.

Уж чего-чего, а таких речей он от меньской княгини не ожидал.

– Что умолк, братец трёхродный? Али не по нраву слова мои? – меж тем стала допытываться Анастасия.

¹¹⁹ Трёхродный – троюродный.

¹²⁰ Стрый – дядя со стороны отца.

– Да говоришь ты верно. Безвластие наше – яко ком в горле, – признался после некоторого молчания Всеволод-Кирилл. – Но сделать с этим мы ничего не можем... Пока не можем, – добавил он тихо, вполголоса.

– Отчего же? Помиришь Мономаха с моим Глебом – многие здешние бояре, да и не токмо они, тебя зауважают. Вот тебе и шажок маленький вперёд, ко столу большому княжескому, – Анастасия снова хитровато улыбнулась.

Рукой в тёмно-синей сафьяновой рукавице она почесала свой острый носик и с той же лукавой улыбкой промолвила:

– Замёрзла я в дороге. В дубраве той сыро, холодно. Прикажи тёплый сбитень подать.

...Всеволод-Кирилл, кусая уста, смотрел, как гостя его, сдёрнув рукавицы, медленными глотками пьёт горячий сбитень.

– Я попробую, княгиня, уговорить великого князя Владимира Мономаха не губить Меньска. Но ты должна понять... Князю Глебу придётся заплатить немало... отпустить всех пленных из Орши, Копыси и Слуцка... Смириться, хотя б для виду...

Княгиня Анастасия согласно кивала головой.

Всеволод-Кирилл бросал на неё короткие взгляды исподлобья.

«А вот если... Трёхродная сестра – не родная, не двухродная. Отдастся, куда денется. Но потом как? Разве забудет она про своё унижение? Нет, не можно так... В конце концов, если не этот полусумасшедший злобный Глеб Всеславич, так сыновья его могут стать в будущем союзниками... союзниками в борьбе... за что... за черниговский стол или... Не стоит о том покуда думать», – молодой северский князь оборвал течение своих мыслей.

Что это он? Или колдунья она, эта жёнка с хитрыми серо-голубыми глазами... Она умеет обольщать мужчин, но и не только... С такой, как она, надо всегда быть настороже.

Меж тем княгиня Анастасия повела речь о другом:

– У меня, братец, четверо сыновей. Двоим старшим, Ростиславу и Володарю, уже за двадцать. Ростиславу подыскали невесту. София, дочь волынского князя. Володаря же хочу оженить на ляшке. Есть у короля Болеслава сводные сёстры и дочери. На ком-нибудь из них... Время свадьбы играть, а вам, мужам, лишь бы на рати хаживать да саблями помахивать. Вот коли замиримся, и Ростислава моего тогда оженим, и тебя заодно.

Она вдруг весело рассмеялась, прикрывая рукой рот.

Всеволод-Кирилл, глядя на неё, лишь слегка кивнул головой. Не нравилось ему, что хитрая трёхродная сестра догадывается о его больших дальних замыслах. Но ничего не поделаешь, придётся быть ещё более осторожным, чем раньше.

...Утром в сопровождении двух десятков отроков направился Всеволод-Кирилл в недалёкий путь в стан Мономаха под Меньск.

Глава 18

Меньская крепость во многом напоминала Всеволоду-Кириллу Друцк. Когда ехали они с Игорем берегом узенькой Немиги на безопасном отдалении от городских стен, вокруг которых царил тревожная тишина, князьям и их спутникам казалось, что перед ними та же друцкая твердыня, возродившаяся из пепла, будто загадочная птица феникс. Тот же ров, те же ворота, тот же огромный земляной вал, те же стяги развеваются на беспокойном ветру. И сверкание булатных шоломов на забороле, и копейный блеск, и чёрные окна стрельниц, сложенных из крепкого дуба.

«Верно, одни и те же зиждители рубили», – подумал Всеволод-Кирилл, искоса поглядывая на темнеющую по левую руку стену Меньского детинца. Впрочем, вспомнив давешнюю толковню с Анастасией Ярополковной, он лишь криво усмехнулся.

Видать, не шибко-то сладко сидеть за сими стенами, коли о замирении печётесь, тати лихие! А как иначе назвать вас, промышляющих разбоем в чужих владениях!

Впереди, близ впадения Немиги в гораздо более полноводную Свислочь, показался стан соузной рати. Широко раскинулся он на равнине, обрамлённой пологими приречными холмами, и частью перехлестнул через полусожжённый меньский посад. Посреди стана, по соседству с походными воинскими вежами, стояла большая бревенчатая изба. Из трубы на крыше, клубясь, взвивался в пасмурное вешнее небо белый дым.

Ольговичи велели доложить Владимиру Мономаху о своём прибытии. Тотчас расторопные отроки помогли Всеволоду-Кириллу и Игорю спешиться. Озаботились о конях княжеских, повели их кормить, самих же Ольговичей сопроводили в избу.

...Горела на столе свеча, в тусклом свете её видны были иконные лики святых на поставце. Увидев перед собой строгое спокойное лицо Мономаха, Всеволод-Кирилл и Игорь отвесили ему, как старшему князю, поклоны.

– А-а, сыновцы! – промолвил, прокашлявшись, князь Владимир. – Ведаю о том, что взяли вы Друцк, разорили сие гнездо осиное. Молодцы, иначе не скажешь!

На устах Мономаха проступила улыбка.

– Содеяли по твоему велению, – глухо прохрипел в ответ Игорь. – Ярополк, сын твой, вывел всех жителей из града. Мыслит поселить их у себя на Переяславщине.

Великий князь одобрительно кивнул.

– Не о том мы слово молвить пришли, – поспешно перевёл разговор на другое Всеволод-Кирилл. – Думаем, пора нам с менянами мир творить. Попугали Глеба Всеславича, теперь не сунется он на наши земли.

Улыбка мгновенно исчезла с лица Мономаха.

– Скор ты, сыновец! – Он нахмурил чело, грозно свёл седые брови и жёстким, не терпящим никаких возражений голосом изрёк: – Покуда гад сей на коленях в стан мой не приползёт да со слезами о пощаде молить не почнёт, не будет никакого мира! И не проси!

– Так пошли в Меньск гонца, передай требование своё, – предложил старший Ольгович. – Может, согласится и сделает Глеб, как ты хочешь.

Князь Владимир решительно качнул седой головой. Впрочем, ответил он Ольговичам не столь уж категорично.

– Созвать велю бояр, дружину старшую. С ими вместе порешим, что делать, – сказал он после недолгого молчания. – А покуда, сыновцы, ставьте вежи возле нашего стана, отдыхайте с дороги. А далее сами решайте, как вам быть.

Он поднялся с конника¹²¹, давая понять, что разговор окончен.

¹²¹ Конник – здесь: скамья.

...Северские отроки разбили походные вежи возле самого речного берега. Задымили костры, аромат готовящихся яств заставлял сильней чувствовать голод.

«Даже еды не предложил! Будто не князья мы, не родичи ему, а отроки какие», – с неодобрением подумал Всеволод-Кирилл о Мономахе.

Тяжкая ненависть вспыхнула внезапно огнём в душе старшего Ольговича, она разгоралась, как пламя костра, охватывала всё существо, заставляя стискивать длани в кулаки и шептать проклятия. Но вдруг ясная и чёткая мысль перебила эту дикую ненависть, ушла куда-то, провалилась в глубину небытия яркая вспышка, едва не ослепившая его всего несколько мгновений назад.

«Надо самому мне послать к Всеславичу. На это ведь и намекал тонко стрый, когда говорил: сами, мол, решайте. Как же я сразу не понял! И Ярополковна, поди, не без ведома Мономахова ко мне явилась! Показать он желает всем силу свою и в то же время дать понять: уступаю, мол, просьбам родичей своих, иду на мир, ибо не кровопивец я какой, не убивец! Вот где она, хитрость ромейская, вот где коварство, с молоком матери впитанное. У нас, правда, матерью тоже ромейка была, Феофания Музалон, но проста она в сравнении с родительницей Мономаха, царевной Марией. Та при дворе воспитывалась и коварство базилевского окружения в полной мере познала. И сыну передала... А мы-то с Игорёхой, яко бараны на верёвочке... Корчим из себя миротворцев, а сами по протоптанной дорожке идём... И не отступишь теперь, ибо себе навредишь. Не видать тогда мне ни Агафы, ни...» – Всеволод-Кирилл оборвал течение своей мысли.

Послал за Игорем, долго шептался с ним в своей веже, убеждал, объяснял, что к чему. Брат сидел нахохлившийся, недоумевающий. Всеволод-Кирилл, глядя на него, кривил в усмешке губы, почти как Мономах давеча. Понимал, ох понимал он хитросплетение сих козней!

«А отец покойный?! – стукнуло вдруг в голову. – Вот, верно, не уразумел бы... Хотя... Вот я понял, а толку от сего... Отцом гордыня владела, ослепляла ум, жгла сердце... Мой путь иной... Извилистый, но верный. Неприметный, но точный. И с него я не сверну».

...Под покровом ночной темноты доверенный человек Ольговичей, сотский Пётр Ильин подобрался к самой крепостной стене Меньска и беспрепятственно поднялся по приставной лестнице на заборол. Там его уже ждали.

Спустя несколько дней поутру распахнулись ворота Меньского детинца. Через наполненный водой ров лёг подъёмный деревянный мост. Медленно, шагом выехала навстречу застывшему на коне во главе киевской дружины Мономаху вереница всадников. Впереди держался огненноглазый широкоплечий князь Глеб Всеславич. Хмуро, исподлобья взирал он вокруг, видно, не особо веря в мирные намерения своего старого супротивника. Но иного выхода у Глеба не было.

Следом за своим князем ехали его ближние бояре и градские старцы¹²². Все они спешили на вершине холма, на котором находился Мономах. Сын Всеслава шагнул, чуть шатнувшись, вперёд и отвесил великому князю глубокий поклон. Следом за ним то же содеяли его спутники.

Заметно было, каких усилий этот раболепный поклон стоил сорокашестилетнему гордецу, как заходили, едва сдерживая порывы злобы, его острые скулы, как запыхлала ненавистью серые волчьи глаза. Но послушно приложился меньский владетель ко кресту, поданному войсковым киевским священником, промолвил глухо, с присвистом:

– Жить отныне клянусь в мире с тобой, княже Владимир Всеволодович, и в воле твоей пребывать!

¹²² Старцы градские – этот летописный термин имеет различные толкования. Возможно, это старейшины, или представители наиболее знатных родов в городе, или потомки племенной знати, занявшие первые места в городском управлении.

Мономах выслушал его короткую речь, кивнул едва заметно, сказал негромко:

– Что же. Ступай с Богом, князь Глеб. Но помни, не забывай о клятве своей!

Нет, он не верил Всеславичу, отлично понимая, что настанет час, и беспокойный родич данную клятву нарушит. Вернее, может нарушить. Сейчас он жалок, запуган, побеждён, но Бог весть, как будет завтра. Тревожно становилось у старого князя на душе. Вот покойный отец, Всеволод Ярославич, или тот же Олег – они непременно в таких обстоятельствах схватили бы Глеба, бросили его в поруб, сгноили бы там. Без малого полвека назад именно так, презрев крестное целование, поступили отец Мономаха с братьями с отцом Глеба, и лишь Провидение Господнее да мятежная киевская беднота спасли тогда князя Всеслава от гибели в темнице. Он, Мономах, так поступить не мог. Страх Божий владел им. И ещё он знал – лихое деяние непременно откликнется лихом в грядущем. Потому отверг решительно князь Владимир Мономах предложение воеводы Ольбега Ратиборича и переяславского тысяцкого Станислава, которые давеча предлагали ему схватить меньшого владетеля. Хотя были сомнения, и подавил их Мономах с трудом, глядя на злое, полное едва скрываемой ненависти лицо Всеславича. Впрочем, иного ждать от такого разбойника было трудно.

Блестел серебряными нитями кафтан киевского князя, развевалось за плечами лёгкое голубое корзно¹²³, в высокой шапке с собольей опушкой он казался ещё значительнее, ещё величественней. И Глеб внезапно, пересекшись с ним взглядом, как-то враз поник, отошёл в сторону, бессильно опустил руки. Злобу и ненависть сменил страх.

Окружили князей гридни, отроки, на холме становилось шумно. Люди радовались наступлению мира, всем надоела война с долгими осадами и приступами.

На возах в сторону стана дружинники Мономаха везли освобождённых пленников, награбленный Глебом и его ратниками скот, дорогие узорчья, различные товары.

Улучив мгновение, Всеволод-Кирилл протиснулся к сыну Всеслава и тихо, вполголоса сказал ему:

– Помни, кто тебе помог мир створить.

Глеб, по-волчьи ослабившись и злобно сверкнув глазами, промолчал.

¹²³ Корзно – княжеский плащ.

Глава 19

Группа вершников в войлочных тегиляях¹²⁴ и лохматых шапках быстро продвигалась к воротам Новгорода-Северского. Летняя пыль летела из-под копыт и клубилась в жарком воздухе.

Ещё издали приметили незнакомцев неусыпные стражи на забороле крепостной стены. И вот уже упреждённый ими Всеволод-Кирилл, облачённый в лёгкую свиту поверх кольчуги, со вниманием вглядывался в даль, прикрывая глаза ладонью от солнца.

– Не наши, не служивые ковуи¹²⁵, дикие степняки, – говорил громко, стараясь заглушить гуляющий по заборолу ветер, стоявший рядом с князем сотник Пётр Ильин. – По одежке, видать, половцы али торчины.

– Передние двое в дорогих вотолах, в разноцветье, – добавил другой дружинник.

– Верно, знатные люди. Может, беки¹²⁶ какие. А то и ханы¹²⁷, – промолвил Всеволод-Кирилл.

– Ворота не открывать, спросить, кто таковы! – властно приказал он воротным стражам, спускаясь по деревянной лестнице внутрь детинца.

Добре укреплён Новгород-Северский, защищён высоченным валом земляным от ратных находений. Половцам или каким другим степным ворогам ни за что не взять сей твердыни. Иных супротивников – своих, русских князей более опасался Всеволод-Кирилл, сидя за мощными бревенчатыми стенами и городнями.

Меж тем передние всадники круто остановили скакунов перед крепостным рвом. Один из них, с правильными чертами красивого восточного лица, смуглый, большеглазый, в свите из цветастой фофудии¹²⁸, под которой поблёскивало железо доспеха, примирительно поднял правую руку.

– Каназ Фсифлот... Мы из народа кангюй¹²⁹. Наши курени разгромили наши враги – злонаправные кипчаки. Просим защиты у тебя, каназ!

– Отряд невелик. Всего десятка два ратников. Может, князь, впустим их в крепость. Еже что, мечи у нас завсегда наготове, – повернул к Всеволоду-Кириллу иссечённое ветрами и изрытое шрамами лицо Пётр Ильин. – Кангюй – тако печенеги сами ся кличут, – добавил он. – И думаю, не врёт сей печенежин.

– Пожалуй, ты прав, Пётр. Эй, отроки! – крикнул Всеволод-Кирилл. – Отворяйте врата!

Вскоре печенег в свите из фофудии уже сидел в горнице перед князем и его ближними людьми. Прихлёбывая из чаши кумыс, который в северских палатах по старой памяти со времён покойного Олега не переводился, он рассказывал:

– Половцы напали на наши кочевья на берегах Дона. Была злая сеча. Долго рубились мы на саблях, пускали стрелы, метали сулицы. Но их было больше... Намного больше... И они победили нас. Мы, народ кангюй, и наши союзники торки отступили, ушли, оставили свои земли. Степь горела, чёрные вороны кружили над пепелищами... И мы пришли в вашу страну. Хотим, чтобы ты, каназ, взял нас к себе на службу.

Всеволод-Кирилл щурил глаза, долго молчал, раздумывая. Наконец спросил:

– Чьей орды были те половцы?

¹²⁴ Тегиляй – стёганый кафтан из сукна или шерсти, простейший вид доспеха.

¹²⁵ Ковуи – на Руси служивые степняки – торки, печенеги, берендеи.

¹²⁶ Бек – у половцев глава рода.

¹²⁷ Хан – у половцев глава племени или племенного союза.

¹²⁸ Фофудия – дорогая восточная материя.

¹²⁹ Кангюй – здесь: самоназвание печенегов.

– Это люди племени Шаруканидов. Их вели ханы Атрак и Сырчан, сыновья старого Шарукана. И знай, каназ, они – твои лютые враги! Каназ Мономах победил их отца, и они жаждут мести!

Князь, прикусив губу, ничего не ответил.

С Шаруканидами он и его покойный отец особо дружбу не водили. Самые сильные это были ханы из всех половцев, и действовать они всегда стремились самостоятельно, ограждая себя от связей с русскими князьями. Союзы Ольговичам были половцы из других племенных объединений, и прежде всего – Елтуковичи, которые кочевали в верховьях Дона. Мачеха Всеволода-Кирилла приходилась родной сестрой ханам Турукану и Комосу.

Северский владетель отвлёкся от своих дум и прервал воцарившееся в палате молчание.

– Как твоё имя? – спросил он печенега.

– Сулду. Я – хан народа кангюй. А это, – указал печенег на сидящего по левую руку от себя скуластого торчина, – Саман, хан племени огузов¹³⁰.

– Мы должны подумать, как поступить с вами, – молвил Всеволод-Кирилл. – Пока же ты, хан Сулду, и ты, хан Саман, будете моими гостями. Мы не дадим вас и ваших людей в обиду. А храбрые воины нужны всегда и везде. Отдыхайте и набирайтесь сил, доблестные.

...Дотемна совещались в горнице княжеских хором князь, его ближние бояре и старшие дружинники.

– Не верую сему Сулду! Рожа у его хитрая! – хрипел старый боярин Рокоша. – Обманет он нас и половцев Атрака на землю нашу наведёт. Будут пылать огнём сёла и города северские!

– Печенеги и торки – старые враги половецких орд, – упрямо возражал ему Пётр Ильин. – Не врёт хан Сулду. Верно, в самом деле напали Шарукановичи на них.

Ильина поддержал молодой боярин Врана, выходец из ромеев.

– Издревле враждуют эти два народа – печенеги и половцы. Когда ромейский базилевс Алексей Комнин воевал супротив печенегов, половецкие ханы Боняк и Тогорта охотно пришли ему на подмогу. Тогда искрошили половцы печенежскую орду чуть не до последнего ратника.

– Было такое, – согласился с Враной Всеволод-Кирилл. – Давние это дела. Я ещё мал тогда был, лет семь, верно, было. Отец рассказывал мне о сече на Марице. И как не поверили половцы ромеям и ушли от базилевса, испугались его коварства. Он ведь всех пленных печенегов приказал перебить. А почему? – Князь обвёл взглядом всех собравшихся в горнице и заключил: – А потому как боялся, что печенеги с половцами сговорятся и ночью вместе на ромейский лагерь нападут. Полагаю, неглуп базилевс Алексей. Уразумел, что союз его с половцами прочным быть не может.

– И что ты думаешь, княже? Как нам топерича быть? Что, базилевсу уподобиться? Перебить печенегов сих? – Уста Петра Ильина скривились в презрительной усмешке.

– Нет, конечно, не о том я молвить хотел. Просто доверять сим степнякам особо не можно, – заключил Всеволод-Кирилл. – Следить за ними надо. И в Киев слать гонца, к Мономаху. Пусть ведаёт, что у нас здесь творится.

Совет на том был окончен. Разошлись бояре и дружинники по своим теремам. Один Пётр Ильин задержался. Сказал тихо, вполголоса:

– Думаю, княже, скоро придётся нам в степь, на Атрака и Сырчана, идти.

Всеволод-Кирилл согласно кивнул.

¹³⁰ Огузы – торки.

Глава 20

Осенний ветер, ещё тёплый, ласково овевающий лица, врывается в покой. Слышался вдали шум торжища, где-то скрипели возы, ржали лошади. В покое царила благочинная тишина, бояре сидели на лавках; на возвышении на высоком столце расположился князь Владимир Мономах, по левую руку от него – сын Ярополк и Всеволод-Кирилл, оба напряжённые, озабоченные. Кафтаны и хламиды князей и бояр отливали разноцветьем ярких красок.

В последний год Мономах ввязался в противоборство с ромейским императором Алексеем Комнином, мыслил укрепиться на берегах Дуная, занять Доростол¹³¹, хотел помочь своему зятю Льву Диогену обрести владения в Добрудже¹³². Но Лев был предательски убит подосланными императором наёмными убийцами – арабами, и теперь заботой стареющего киевского владетеля стала судьба своей ставшей вдовой дочери Марицы и её малолетнего сына Василия. Послал он на Дунай большую рать с сыном Вячеславом и воеводой Иваном Войтишичем. Под их началом овладели русские ратники рядом городов в Подунавье, но Доростол вот взять не смогли. А тут ещё опять половцы напомнили о себе.

Хмурил Мономах высокое чело, думал невесёлую думу. Бояре Станислав Тукиевич и старший сын Ратибора Ольбег советовали заключить мир с империей ромеев. Непокойно было не только в степи, но и на западных границах, где сговаривался с ляхами и уграми сын покойного Святополка Ярославец. Метил этот князь на киевский великий стол и активно искал поддержки при дворах западных владык.

Оборвав молчание, Мономах спросил:

– Что делать будем? Опять в степь пойдём, на Дон?

Поднялся старый переяславский тысяцкий Станислав:

– Половцы ныне не в той силе, что раньше. Полагаю, супротив их достаточно будет двух дружин: переяславской с сыном твоим Ярополком да северской князей Ольговичей.

Тысяцкого поддержал молодой киевский боярин Борис:

– Прав Станислав. Большой рати нам топерича не собрать, да и на Волынь поглядывать надобно. Бузит тамо Ярославец.

– Да и Глеб Меньский как ся поведёт, неведомо. Хоть и смирил ты, княже великий, хищника, да не до конца, – добавил грузный Орогаст.

Другие бояре хором поддержали мнение Станислава и Бориса.

– Ты что скажешь, сыновец? – строго сдвинув седые брови, обратился Мономах к Всеволоду-Кириллу.

– Думаю, стрый, твои бояре во многом правы. Но с половцами – с ними надо быть осторожными, – заявил старший Ольгович. – Прознать сперва надобно, где Сырчан с Атраком обретаются, а там и налететь, как тысяцкий говорит, двумя дружинами. Сейчас осень, орды приходят на зимовья, к городам на берегах Дона. Вот, мыслю, туда нам и надо будет идти. Но сперва – сакмагонов¹³³ выслать. Без них соваться в степь опасно.

Одни бояре согласились с мнением Всеволода-Кирилла, другие стали спорить, говорить, что нечего бояться давеча разбитых орд, и предлагали немедля выступить в поход.

Особенно громко кричал Ольбег Ратиборич.

Всеволод-Кирилл вопросительно воззрился на Мономаха.

Великий князь поддержал Ольговича:

¹³¹ Доростол – ныне город Силистрия в Болгарии.

¹³² Добруджа – историческая область в Нижнем Подунавье и на берегах Чёрного моря.

¹³³ Сакмагон – пеший лазутчик в степи.

– Сыновец мой прав. В поход идти – енто не саблюю махать на поединке. Но воевать с погаными придётся. Потому ты, Ярополк, и ты, Всеволод, готовьте дружины. И сакмагонов, проведчиков в степь засылайте. И промеж собою связь держите. На том слово моё, мужи!

Совет в киевской палате на том был окончен. После Мономаха вызвал к себе в малый покой сына и племянника и молвил так:

– Помнишь, Ярополче, был у меня воевода Дмитр Иворович? Вместе с ним ты Алтунову орду посёк на Сутени.

– Знамо, помню. Такие дела не забываются, – улыбнулся, с гордостью вспоминая давний уже победный поход, Ярополк.

– Дак вот. Сын еговый, Ивор, ты его знаешь, ныне у меня в дружине. Хочу я, чтоб послужил он тебе, яко и Дмитр ранее. Воевода Василий Бор Ивора сего хвалил.

– С Ивором этим и я знаком, – промолвил Всеволод-Кирилл. – Прошлой зимой вместе татей в лесах ловили. Одного не пойму, стрый: зачем ты речь о нём завёл? Мало ли отроков достойных у тя на службе?

– Воистину, – согласился с ним, пожав плечами, Ярополк.

– Я вот что скажу вам, – ответил им великий князь. – Коли добрыми правителями стать вы хотите, то каждого отрока и гридня знать должны – кто, откуда, чем отличен. И николи никого ничем не обидьте зазря. Тогда и сильны дружины ваши будут. А где сильная дружина, тамо и сильный князь. Уразумели меня? – Уловив утвердительные кивки обоих молодых князей, он заключил: – А топерича езжайте в города свои и, как я вам сказал, тако и делайте. По зубам надобно хорошенько Шарукановичам дать!

Всеволод-Кирилл запомнил мудрый совет старого Мономаха. Не раз пригодится он ему на извилистых дорогах бытия.

Глава 21

Нагруженные добычей кони шли медленно, шагом, лишь изредка под щелчки нагаек переходя на рысь. Скрипели возы и телеги, мычала скотина. Ополонившиеся переяславская и северская дружины держали путь из дальнего похода и двигались берегом Сейма.

Ходили они на Дон, разметали половецкие сторожи, затем взяли штурмом Сугров и Балин – укрепленные городки в излучинах Дона. Сложнее пришлось с Чешлюевом – в сём городке укрепились воины Атрака и Сырчана. Но и это укрепленное место было взято, причём среди дружин Всеволода-Кирилла и Ярополка потерь почти не было. Ханы бежали в степь, далеко на юг, в плен попало множество половцев, а также аланов – ясов¹³⁴, которые составляли бóльшую часть населения степных городков.

Лязгало железо, ржали лошади, скрипели возы. Впереди войска держались оба князя, позади же дружин медленно передвигались печенеги и торки ханов Сулду и Самана. В бою они проявили себя храбрыми и толковыми воинами, и теперь Всеволод-Кирилл думал населить ими южное пограничье своего княжества. Так бы поступил и дед его, и прадед. Оборонять земли свои от одних степняков другими степняками – кажется, такая мысль пришла в голову первому князю Ярославу, не случайно прозванному летописцами Премудрым.

У князя Ярополка, по всему видно, думы были совсем об ином. Рядом с ним на гнедой кобылице держалась молодая девушка. Это была дочь одного из яских князей. Черноглазая, темноволосая, смуглолицая, с немного орлиным носом, она, безусловно, выделялась среди прочих какой-то необычной, завораживающей красотой. Всё в этой кавказской княжне было удивительным – и то, как грациозно сидела она на лошади, и как светилась белоснежной улыбкой, и с каким обожанием в больших чёрных вишенках-глазах смотрела на тридцатичетырёхлетнего Ярополка.

При взгляде на неё охватывало старшего Ольговича какое-то до конца не понятое им самим чувство, будто прикасается он сейчас к чему-то светлому, неземному, о чём ранее не ведал и не предполагал, что такое вообще возможно. Любовь? Зависть к удачливому сыну Мономаха? Нет, это было нечто иное, недостижимое, такое, что словами передать невозможно, некое восхищение перед этой красотой, перед этим юным созданием, пришедшим к ним, суровым воинам, словно из сказки, из старинной легенды.

Думалось: вот он – князь, жизнь его состоит из каждодневных хлопот, из разборов судебных дел, походов, сбора даней с подвластных волостей. И жизнь эта строго идёт согласно заранее намеченному плану: вот он возвратится в свой Новгород-Северский, зимой женится на малолетней внучке Мономаха, которая, даст Бог, родит ему наследников, и всё у него будет, как и положено князю. А меж тем иные, такие, как вот этот Ярополк, давно сменивший кольчугу и шишак¹³⁵ на праздничную свиту и дорогую шапку с собольей опушкой, будут наслаждаться счастьем в образе красавицы аланки, и обычные жизненные заботы для него благодаря ей отойдут, отодвинутся в сторону, хотя бы на некоторое время.

И ещё подумалось вдруг Всеволоду-Кириллу, что не каждому дано такое вот счастье изведать. Может, того и ждал, то и чувствовал Ярополк. Потому и не женился он покуда, хотя знатных богатых невест у него, второго сына всесильного Мономаха, было пруд пруди.

Всеволод-Кирилл понимал, что охватившее его светлое ощущение при виде юной княжны схлынет, пройдёт, что стезя его – это борьба за власть, за столы, и Ярополку не стоило бы завидовать ни в чём, но всё же... Были мгновения, когда хотелось воскликнуть:

¹³⁴ Аланы – предки совр. осетин. На Руси их называли ясами. В описываемые нами времена аланы жили не только на Северном Кавказе, но и на берегах Северского Донца и Дона.

¹³⁵ Шишак – разновидность воинского шлема.

«Боже мой! Почему не я?! Почему не моя она, эта удивительная красавица?!»

...Примерно за день пути до Новгорода-Северского воинство разбило лагерь на берегу Сейма. Дружинники принесли хвороста, разожгли костры, оградили стан, по перенятому у степняков обычаю, повозками, скреплёнными меж собой верёвками. Быстро расставлены были внутри ограждения воинские палатки-вежи.

Стояла ранняя осень, днём было тепло, пригревало ласковое солнышко, но вот ночами становилось весьма холодно, потому даже и в шатре княжеском возле очага сидели в тёплых одеждах.

Глядя на огонь, Всеволод-Кирилл спросил расположившегося вместе с аланкой напротив него Ярополка:

– Как мыслишь, брате, поступить с княжной? Отпустишь за выкуп или оставишь себе, возьмёшь в наложницы?

– А вот и нет, Всеволоде! Жениться на ней я думаю! – возгласил неожиданно громким голосом переяславский владетель.

Всеволод-Кирилл с лёгкой усмешкой поднял на него свои тёмные большие глаза.

«А ведь он прав! Тысячу раз прав!» – пронеслось у Ольговича в голове.

Заметив во взгляде трёхродного брата некоторое удивление, Ярополк запальчиво заключил:

– Да ты погляди на её! Отродясь этакой красы не видывал! Ну ить и из рода она не простого, княжна! А с ясами мир нам надобен! Я и подарки уже родне ейной приуготовил! Как воротимся из похода, пошлю! И свадьбу сыграем!

– Оно так, – глухо вымолвил Всеволод-Кирилл.

В шатре воцарилось на некоторое время молчание.

Рядом с князьями восседали на кошмах ближние люди – Станислав Тукиевич, Пётр Ильин, а также Врана и переяславский воевода Лазарь. Неслышно вошёл и скромно опустился позади прочих на кошмы сын старого воеводы Дмитра Ивор. Его особо отметили в рядах переяславцев во время штурма Чешлюева. Одним из первых взобрался юноша на деревянную стену городка, прорвался к главным воротам вместе с малым отрядом ратников, отворил врата остальному воинству.

Всеволод-Кирилл жестом руки подозвал Ивора к себе, велел сесть по правую руку от себя. Челядин поднёс отроку ароматно пахнущий кус конины.

– Добрым воином становишься ты, Ивор, – промолвил Всеволод-Кирилл. – Говорят, и под Друцком ты также геройствовал.

– Да нет, тамо аз в полон попал. Сотник твой, Ильин Пётр, меня тогда выручил, – Ивор указал на расположившегося по другую руку от князя Петра.

Густо покраснев, отрок смущённо потупил взор.

– То ничего, – пробасил Ильин. – В бою всяко бывает. Но бился ты храбро и умело!

Поднимались в тот вечер чары, говорились здравицы. Впрочем, вокруг простиралась степь с отдельными вкраплениями густых колков¹³⁶, и излиха мёда воеводы, князя и прочие ратники не вкушали. Хоть и не было опасности нападения половцев, но степь – это чужой и зачастую враждебный мир, и ухо тут надобно было держать остро. Как знать, что на уме у тех же печенегов!

Это уж потом, дома будут они пировать на широкую ногу, сейчас же хлебнут чару-другую и остановятся на том.

Переводя разговор на другое, Всеволод-Кирилл спросил Ярополка:

– Аланка-то твоя как, крещёная ли?

¹³⁶ Колок – участок леса посреди степи.

– А то как же! Они ить христиане, православные. И имя аланка сия православное носит – Еленой кличут, – заявил Ярополк. – И по-нашему немного говорит. Отец ейный почасту с купцами русскими дела имел.

Аланка, видно было, смысл их речей пусть и не в полной мере, но понимала. Молчала, старалась держаться в тени, только глаза чёрные блестели живыми искорками в свете костра.

Всеволод-Кирилл на неё больше не смотрел. Сидел задумчивый, тихий, глядел на пламя костра и размышлял о превратностях их жизни.

Затем он вышел из шатра на воздух. Тёмная ночь простёрлась над берегом Сейма, тускло мерцали в далёкой выси звёзды. Было прохладно, лёгкий ветерок обдувал лицо. Слышался вдали негромкий плеск речной волны. На холмах горели костры.

Князь повернулся, глянул в другую, полуденную сторону. Бескрайняя степь чернела за холмами, в темноте почти ничего не было видно, только те же костры близ шатров и веж да то же звёздное небо с нарождающимся узким серпом месяца.

На душе стаовилось спокойно. Подумалось, что покуда идёт он, сын Олега Гореславича, по дорогам судьбы стезёю верной.

Глава 22

Одетые в осеннее золото и пурпур леса притягивали взор своей праздничной нарядностью, и не думалось совсем, что осень – это пора увядания, что скоро на смену разноцветью ярких красок придут серые тучи и унылый дождь, а на месте золота и пурпура будут темнеть голые черноватые стволы.

Ивор круто остановил скакуна у ворот родительской усадьбы. Старый воевода Дмитр медленным шагом, опираясь на посох, спустился навстречу сыну с высокого всхода.

Почти год не был Ивор дома, и сейчас он неприятно удивился, сколь сильно отец его за это время сдал. Ходил бывший воевода как-то сгорбившись, лицо его покрыла сеть глубоких морщин; с трудом – видно, одолевая боль, – улыбнулся он сухими губами, заговорил хрипло, негромким голосом:

– Вот, Ивор, наконец-то дождались ты! Плох я совсем стал. Ноги болят, спина. Верно, скоро час мой настанет.

– Да брось ты, отец. Поживёшь ещё. Даст Бог, одолеешь хворобы свои, – поспешил ободрить родителя Ивор.

– Нет, сыне. Сердцем чую: доживаю я дни свои на земле, – тяжело вздохнул Дмитр.

Появилась в дверях мать Ивора, боярыня Ольга, моложавая, энергичная, напоминающая спелое наливное яблочко. Что ж, мать была намного моложе отца, и в свои сорок с небольшим лет ещё цвела, расплёскивалась красотой.

После, во время трапезы, за столом Ивор подробно изложил историю обоих последних походов – на Глеба Меньского и на половцев. Дмитр, слушая сына, одобрительно кивал. Потом молвил, вскинув голову и нахмутив изрытое морщинами чело:

– Ты, сыне, как я помру, сестрёнок своих и мать не забывай. Береги их. Выходит, князь Владимир тебя в Переяславль, в дружину Ярополкову направил. Может, оно и к лучшему. Подальше будешь от козней, от склок боярских. А то мне вот многое пришлось на своей шкуре испытать. И в темнице сиживал, и в полоне побывать довелось – чего токмо не было. Один тебе дам совет, Ивор. Я вот почто тогда и в Царьграде, и после в уграх в немилость попал? Излиха прям был, резал князьям да королям в лицо правду-матку. Тако, верно, невозможно было. Не любят они такого, вельми не любят. Вот ты, сыне, потому, прежде чем слово молвить, сдержись, подумай, а стоит ли оно того. Когда слукавить следует, а когда... Да что там! – Дмитр махнул рукой. – Не мне тебе советовать, но помни: ты – дружинник, человек вольный. Можешь от одного князя к другому на службу перейти. Никто тебя не приневолит. Коли всякие тамо Ратиборичи да Тукиевичи власть великую возьмут при новых князьях и тебя посторонь, значит, подвинут, дак ты сам решай, как тебе далее быть. А я ить чую, чую, Ивор, что опосля Мономаха многие перемены на Руси произойдут. Вот и надобно будет тебе тогда выбирать. Ты горячку не пори, но думай, думай, как тебе поступить лучше. Вот молвил ты обо Всеволоде Ольговиче, хвалил его.

В разговор вмешалась, резко перебив мужа, боярыня Ольга.

– Да от их, от Ольговичей, чего доброго-то ожидать! Помню, как Чернигов наш разорил отец сего Всеволода, как Арсланапа отца моего убить приказал, как над матерью моей и сёстрами поганые надругались!

– Было, да, такое, Ольгушка! – тотчас возразил ей Дмитр. – Токмо ить сын за отца не в ответе. И мой совет тебе, Ивор: присмотрись к сему князьку. Мыслью, не в родителя свою крамольного он пошёл.

– Да я, отец, к нему покудова на службу идти не собираюсь, – Ивор пожал плечами. – Худого слова о Всеволоде-Кирилле не скажу, но...

Он не закончил, не зная, что дальше и сказать.

Отец, снова вздохнув, поучительно изрёк:

– Нынче так, а завтра всё перемениться может. Вот и помни, что я тебе сейчас сказал. Крепко помни. И мать с сёстрами береги.

Трапезу заканчивали в молчании. Хмурия чело, Ивор думал о том, что отец смотрит и видит жизнь гораздо глубже и дальше, чем все они. И он прав: невестимо, как сложится его, пока ещё молодого отрока, судьба, что ожидает всех их в грядущем.

...Светило слабое уже осеннее солнце. Последние тёплые деньки стояли на Руси. На душе было, с одной стороны, тихо и спокойно, но с другой – грустно, а отчего, Ивор и сам не мог понять. Иногда вспоминалась ему Людомира, но решительно отгонял молодец мысли о ней. Он твёрдо понимал, что как бы то ни было, а другая, совсем другая ждёт его стезя и места в грядущей его жизни лихой разбойнице не будет.

В лето 6625-е (1117 год) князь Владимир Мономах перевёл своего старшего сына Мстислава из Новгорода в Белгород – город на берегу Ирпеня близ Киева. Новгородский же стол занял первенец Мстислава – князь Всеволод-Гавриил.

Глава 23

Переяславский детинец – могучий, как былинный богатырь, со стенами кирпичной кладки, мощными городнями и башнями, – производил впечатление несокрушимой, тяжкой силы.

Всеволод-Кирилл и его братья, как только впереди показалась эта Мономахова твердыня, стали беспокойно озираться по сторонам. Вот вроде не впервой зреть им эту крепость, эти стены, возведённые без малого тридцать лет назад стараниями покойного Переяславского епископа Ефрема, но всякий раз охватывало их чувство некоей горечи, перемешанной с опаской и страхом даже. Казалось, ни за что на свете не одолеть ни им, ни кому иному сей громады, малы они и ничтожны в сравнении с величием города на Трубеже, и, словно в насмешку над ними, Гореславичами, вознёся он над землёй и давит... давит на них всей своей тяжестью.

Звенели уздечки, снег хрустел под копытами статных боевых коней. Нет, не на рать спешили северские князья и их дружинники – ехали они на свадьбу переяславского князя Ярополка.

«Почему мы будто боимся чего? – думал, хмуря чело и озирая окрестности Переяславля, Всеволод-Кирилл. – Почему считаем Мономаха и его сыновей врагами? Вот ведь я скоро собираюсь взять в жёны Агафью Мстислану. И что, друзья, выходит, нам Мономаховы сыны? Это же на время, а потом... Что потом?»

Он внезапно резко натянул поводья своего вороного аргмака¹³⁷. Вслед за старшим братом придержали скакунов и Игорь с Глебом.

– Чего такое, брате? – спросил Игорь с заметным волнением в голосе.

– Да ничего, ничего, Игорёха! – Всеволод-Кирилл натянуто улыбнулся. – Так, мыслями далеко унёсся.

– Мы уж порешили, задумал ты чего, – прохрипел, недобро скривив уста, Глеб.

– Поторопим коней, – предложил Всеволод-Кирилл. – Ждут нас.

Понеслись скакуны вскачь берегом Трубежа к Епископским воротам Переяславского детинца. Закружила лихая зимняя вьюга, заметались в воздухе снежные клубы.

...Переяславль был городом пограничным. Не раз возле стен его вспыхивали сражения, приходилось жителям отражать нападения свирепых степняков. Печенеги, торки, половцы – все они зарились на богатый город. Тогорта, Боняк, Бельдюз, Урусоба, иные ханы половецкие мечтали прорваться, силой ли, обманом ли, внутрь переяславской твердыни, да только не умели степняки вести долгие осады, стихией их был яростный и короткий, как удар кинжала, набег. Потому горели окрестные сёла, пригородные слободы, угонялись в полон под свист нагаек смерды, ремесленники, свободные люди, но сама крепость оставалась неприступной. Два десятка лет назад обрёл под этими стенами свой конец старый Тогорта, или Тугоркан, как звали его на Руси, – один из самых свирепых половецких предводителей.

Но вот теперь времена изменились, канули в Лету лихие набеги степной конницы. Наступила пора мирная, пора свадеб и весёлых пиров.

Изукрашенные по бокам киноварью сани неслись по городским улицам, вокруг всё шумело, кружилось в разноцветье красочных одежд.

Свадьбу князя Ярополка праздновал весь город. Всеволод-Кирилл оглядывался по сторонам, отмечал богатые собольи и куньи шубы знатных боярынь, парчовые кафтаны и высокие шапки их мужей, платы изузоренные купчих и жён городских ремесленников. Весело звенели гусли, играли дудки и сопели, прыгали и пели песни скоморохи в шутовских колпаках. Всюду раздавался громкий смех, на площадях теснились толпы народа.

¹³⁷ Аргмак – породистый конь восточных кровей.

Ольговичи и сопровождавшие их северские бояре и старшие дружинники въехали в Епископские ворота детинца. По левую руку от них вознёсся к небесам огромный пятинефный собор Святого Архистратига Михаила, сложенный из розовой плинфы – главный храм Переяславля. Отроки Ярополковы поспешили к гостям, помогли князьям сойти с коней, провели ко входу в собор. Среди прочих заметил Всеволод-Кирилл давнего знакомца, Ивора. Выпростав из долгого рукава дорожного вотола ладонь десницы, унизанной золотым перстнем, он жестом подозвал сына воеводы Дмитра к себе.

– Здорово, отроче! – промолвил он, как обычно, хитровато щурясь.

– Здравствуй и ты, княже! – коротко ответил Ивор, чуть наклонив голову.

– После обедни проведёшь меня ко князю Ярополку! – велел ему Всеволод-Кирилл.

Шедший за ним следом Глеб Ольгович, как увидел Ивора, едва не заскрипел зубами от злости.

– Опять ты, враг! – прошипел он, захлебываясь от гнева.

Как и старший брат, он задрал долгий рукав вотола, обнажив ладонь, стиснул кулак и погрозил отроку:

– Доберусь до тебя когда ни то!

– Охолонь! – ожёг его жарким шёпотом Всеволод-Кирилл.

Не время было сейчас для вражды, да и, честно говоря, ничего недоброго к сыну старого отцового супротивника Всеволод-Кирилл не испытывал.

После молитвы братьев сопроводили в так называемую княжескую часть детинца. На втором жиле обширных княжеских хором предоставили Ольговичам довольно-таки просторные покои. Бояр и старших дружинников северских разместили кого в гриднице, а кого в близлежащих боярских теремах.

Как и уговаривались, Ивор провёл Всеволода-Кирилла к Ярополку.

В палате, украшенной на стенах двумя майоликовыми щитами, рогами лося и скрещёнными секирами, размещался длинный стол с лавками по бокам. В углу в изразцовой муравленой печи потрескивали дрова.

Рядом с Ярополком, поднявшимся ему навстречу, Всеволод-Кирилл заметил невысокого кряжистого мужа с тёмными с проседью волосами и такого же цвета аккуратно подстриженной бородкой. Не сразу, но узнал Ольгович старшего Мономахова сына, князя Мстислава. Давно, более десяти лет, не виделись друг с другом троюродные братья. Облачён Мстислав был в чёрный кафтан дорогого лунского¹³⁸ сукна. Ворот, рукава и подол кафтана украшала замысловатая узорчатая вышивка оранжевыми нитями.

– Здрав будь, князь! – сухо отозвался бывший новгородский владетель на приветствие Всеволода-Кирилла.

В палате воцарилось неловкое молчание. Впрочем, Мстислав вскоре довольно резко оборвал его, промолвив:

– Стало быть, дочь мою Агафью в жёны получить хочешь, сын Ольгов?

– Хочу. К общей нашей выгоде, – поспешил ответить ему Всеволод-Кирилл. – Слава Христу, окончилась вражда наша, в мире которое лето промеж собой живём. Вот этот мир и мыслью я закрепить.

– Девочка совсем дщерь моя! – оборвал льющуюся мёдом речь троюродника Мстислав.

Искорки недовольства промелькнули в его чёрных глазах.

– Кабы не отцова воля, не видать тебе, Кир, Агафьи, яко ушей своих! – твёрдо изрёк Мстислав. – Но отцу перечить я не стану. Коли порешил он, то тако тому и быть. Мир в самом деле крепить надобно.

¹³⁸ Лунское – английское.

Провёл Мстислав дланью по густым усам и продолжил, исподлюбья оглядывая севшего на край лавки Ольговича:

– Знай, Кир. Агафья моя, хоть и мала, да не робкого десятка девица. Бойкая, смелая, прыткая. Когда пожар в Новом городе случился, первая с ведром тушить бросилась. Едва вытащил её из полымени. Ещё знай: любимая она у меня дочь. И в обиду её я не дам.

– И я тоже, – пробормотал, супясь, Всеволод-Кирилл. – Люба мне Агафья твоя.

– Люба?! – По устам Мстислава пробежала недобрая усмешка. – Да ты её видал дитятей малой! Какая тамо любовь быть могла?!

Всеволод-Кирилл прикусил от досады губу. Не хотел он этого разговора. Ведь всем же понятно, что и для чего делается.

– Видел не так давно, – ответил он Мстиславу. – Когда приезжала в Киев княгиня твоя Христина с нею и княжной Ингеборг вместе.

– Тому два лета уже будет. Вот что, – заключил Мстислав, хлопнув себя по коленке. – Обручению вашему ныне в Переяславле быть, но... Чтоб не смел ты до свадьбы...

– Да ты что, брат! Рази ж я посмею?! Мне ведь тоже и чада здоровые надобны. Подожду... Только если она сама...

– Что сама?! – грозно уставился на Ольговича Мстислав.

– Ну, сам ведь говоришь, бойкая она, прыткая...

Мстислав тяжело поднялся с лавки и поднёс к лицу Всеволода-Кирилла пудовый кулак.

– Получишь у меня, коли лихое измыслишь! Повторяю тебе: любимая сия у меня дочь!

– Да полно тебе гневать, Мстиславе! Слишком дорожу я союзом с отцом твоим, чтоб так...

Всеволод-Кирилл не договорил. Он снова кусал уста и опускал голову.

В разговор вмешался молчавший доселе Ярополк:

– Мы ить не для того тут все собрались. Оженюсь я, братья! Вельми по нраву мне Елена Ясыня! Красотой она так и плещет! Будто царевна сказочная!

– Это ты верно молвил, – поддержал переяславского князя Всеволод-Кирилл.

Слова его вызвали новое недовольство Мстислава.

– Нечего тебе на красоту чужой невесты глядеть! – отрезал он. – Княжна Елена – не боярыня какая блудная и не девка дворовая! Слышал, охотник ты до баб гулевых! Дак ежели возьмёшь в жёны Агафью, позабуди о них!

– То неверно! Обманули тебя лихие люди, Мстиславе! – вспыхнул Всеволод-Кирилл. – Если что и было у меня, то в прошлом, далеко за спиною осталось.

– В прошлом? – В словах Мстислава слышалось сомнение. – Ну что ж. Поверю тебе. Ступай покуда.

Оказавшись за дверями палаты, Всеволод-Кирилл аж скривился от злости.

«Что он о себе возомнил?! Говорит со мной, яко с подручным каким, с боярином служивым! Ничего, ничего! Получите вы у меня!»

Всеволод-Кирилл сплюнул от обиды и в сопровождении Ярополкова гридня через освещённый факелами на стенах длинный переход воротился в выделенные им с братьями покои.

Едва переступил старший Ольгович порог каморы, как Игорь с Глебом засыпали его вопросами:

– О чём баили?

– И Мстислав тамо был?

– О женитьбе твоей грядущей, верно, молвь была?

Всеволод-Кирилл отвечал коротко, односложно, не вдаваясь в подробности. Тогда братья стали говорить о другом.

– Вот Ярополк в жёны Ясыню берёт, – начал Глеб. – Полагаю, без Мономаховой подсказки тут не обошлось.

– С чего ты это взял? – Всеволод-Кирилл передёрнул плечами. – Я с Ярополком на Дон ходил, я знаю: влюбился наш трёхродник по уши. Мономах тут вроде как и ни при чём.

– Как же! – зло осклабился Глеб. – То он тебе наплёл всякое, про любовь. Думаю, заранее обо всём уговорено у них было. Лукав Мономах, отца нашего покойного не раз и не два обманывал.

– Обманывал, было такое, – согласился Всеволод-Кирилл. – Да токмо нас с тобою ему не обмануть. Ведаем потому как, что от него ждать.

– С ясами отец наш дружен был, – вступил в разговор Игорь. – Помогали яские князья ему многожды. Ратников давали в подмогу, укрывали в час беды. Вот топерича Мономах с Ярополком и хотят сей женитьбой ясов от нас оторвать, на свою сторону их переманить, своими союзниками их сделать.

– Может, ты и прав, Игорёха, – Всеволод-Кирилл задумчиво почесал затылок. – Только что я с этим поделать могу? Что, отобрать Ясыню у Ярополка?! Умчаться с нею в Северу?! То – война, сеча, а нам с Мономахом не совладать... Сейчас не совладать. И потом, женитьба сия не означает вовсе, что все ясы донские ворогами нам станут. У каждого из их князьков – своя выгода, свои намерения.

В разговор братьев встряла находившаяся здесь же Арсланбика. Сидела она на обитой бархатом скамье, сама такожде облачённая в платье из драгоценного аксамита. Колты¹³⁹ золотые поблёскивали возле висков, прикрепленные к высокому головному убору; на перстах сверкали кольца с камнями; запястья охватывали браслеты из серебра.

Что ж, княгиню свою Игорь старался одевать, да и сама она владела немалыми волостями на Черниговщине.

– Всё вы спорите между собой. Всё о делах державных толкуете. А не помните, что на свадьбу приехали мы, не на снем княжой. Веселиться хочу, смеяться, плясать, а вы! – Наморщив свой узкий маленький лоб, укоризненно глянула она на троицу братьев. – Токмо и слышу: лукавства, обман, рати!

– Ты права, дорогая сестрица! – согласился со снохой Всеволод-Кирилл. – Воистину, ничего мы тут, у Ярополка в гостях сидючи, не порешим... Покуда не порешим, – добавил он, хитровато подмигнув младшим братьям.

Игорь с Глебом ответить ничего не успели. Шум послышался за высокими дверями покоя, лязгнуло железо.

– Пустите меня! – раздался громкий, с половецким акцентом голос.

Один из переяславских гридней, стороживших каморы Ольговичей, просунул голову в дверь.

– Половчин некий! Баит, ваш мечник служивый! Рвётся к тебе, княже! – обратился он уже к одному Всеволоду-Кириллу.

– Покличь! – в голос приказали Игорь и Глеб.

В покой вбежал взъерошенный Итларевич. С кожуха его падали комья снега.

– Каназы! – воскликнул он. – Там... – Он указал за окно. – Он – мой враг! Ольбег! Он убил моего отца! Предательски! Лукаво! Обманом! Я убью его!

– Успокойся! – резко оборвал половчина Всеволод-Кирилл. – Сядь, выпей мёду!

Князь подозвал челядина, велел наполнить мёдом чару и поднести её аж дрожащему от злости Итларевичу.

– Он!.. Он рассмеялся мне в лицо, каназ! – не утихал половчин. – Он издевался надо мной! Я это не прощу, каназ!

– Успокойся! Охолонь! – повторил Всеволод-Кирилл. – Ты отомстишь. Но после, не сейчас.

¹³⁹ Колты – в Древней Руси женские височные украшения. Прикреплялись к головному убору.

– Я вызову убийцу моего отца на поединок! И убью, как шелудивую собаку! Как шакала!
– Перестань! – теперь уже вмешался в разговор Игорь. – Не порти нам всем праздник.
Мой брат сказал, стало быть, ты сможешь отомстить за своего отца. Но позже.

Итларевич дико вращал налитыми ненавистью глазами. Но мёд мало-помалу унял ярость половчина. Сидел он на скамье за столом, дышал тяжело, скрежетал зубами, молчал.

– Вот что! – обратился к нему Всеволод-Кирилл. – Поезжай-ка ты в Рыльск. Возьми с собой десять моих гридней. На твой выбор. Последи там за тиунами, за огнищанином. Чую, воруют. Люд простой обирают до нитки. Бересты с жалобами нам приходиться стали. Потому дам тебе грамоту, и поезжай.

– Добре, – тихо промолвил Итларевич, отойдя, наконец, от гнева. – Ты прав, каназ. Нечего мне делать в логове врага! Но я отомщу! Клянусь, я убью сына Ратибора!

Он резко вскочил со скамьи и, громыхая сапогами с боднями, скрылся в дверях покоя.

– Какой он противный! – скуксив миниатюрное личико, воскликнула Арсланбика. – Злой, мерзкий! Чуть не испортил нам праздник!

– Его можно понять, – раздумчиво изрёк Всеволод-Кирилл. – Ольбег Ратиборич убил его отца. Предательски, во время переговоров о мире. Мономах и покойный князь Святополк добивались тогда от нашего родителя, чтобы он выдал им Итларевича. Наверное, хотели расправиться с ним. Отец не отдал. Поступил по совести, не запятнал чести княжеской. Итларевич воспитывался в Севере вместе с нами. Ханский сын, как-никак. Вырос, поступил в дружину. Сперва служил отроком, стольником, потом получил несколько сёл во владение, стал боярином.

– Вот и пора бы ему о прошлом забыть, – капризно скривив губку, промолвила Арсланбика. – Неплохо ить устроился. Прощать тож уметь надобно. Хоть оно и нелегко.

Игорь согласился с мнением супруги, тогда как Глеб возразил ей, отрезав:

– Такое не прощается!

Всеволод-Кирилл промолчал, лишь кивнув Глебу в знак согласия.

Снизу донёсся громкий торжественный возглас бирича¹⁴⁰:

– Великий князь киевский Владимир Всеволодович Мономах!

Заскрипели полозья саней и возков, заржали кони. Все трое Ольговичей, наскоро облачившись в тёплые ветоли, поспешили на крыльцо хором.

...Князь Владимир Мономах въехал в ворота верхом на буланом широкогрудом скакуне, украшенном серебряной обрудью¹⁴¹. Алое корзно колыхалось за плечами, подбитый мехом кафтан тёмно-синего цвета сверкал узорочьем, на парчовом верху шапки с широкой собольей опушкой розовели вышитые кресты.

Легко, как в молодости, спрыгнул Мономах наземь, отстранив длани готового услужливо подхватить его челядина. Оглядевшись по сторонам, заметил великий князь киевский среди множества встречающих его князей, бояр, слуг всех троих Ольговичей.

Посыпались приветствия, слова похвалы. Мономах поднялся на крыльцо и, проходя мимо Всеволода-Кирилла, сказал:

– Я, сынонец, слово своё держу. Опосля Ярополковой свадьбы будет твоя. Привезут внучку мою в Чернигов.

Приложив длань к сердцу, отвесил ему Всеволод-Кирилл лёгкий поклон. Игорь и Глеб последовали примеру старшего брата.

В тот день северский владетель долго стоял в палате у слюдяного окна, собираясь с мыслями.

¹⁴⁰ Бирич – глашатай.

¹⁴¹ Обрудь – сбруя.

Пока всё шло, как он задумал. Одно только не выходило из головы – красивая невеста Ярополка.

«Такую бы иметь!» – стучало в голове.

Глава 24

Свадебные пиры растянулись надолго. Целую седмицу лились в сенях меда, вина, ол¹⁴², уничтожались самые разнообразные яства. Были тут и соленья, и варенья, и лосятина, и медвежатина, и лебеди в сметане, и поросята жареные, и утки, и куры – всего не перечислишь.

Всеволод-Кирилл старался есть немного, больше поглядывал по сторонам, ловил хмельные взгляды Мономаховых ближников, видел, как обычно, сильно пьяного дядю Давида Святославича, который то и дело норовил пуститься в пляс вслед за скоморохами; замечал, как всегда, строгого и спокойного Мономаха, его многочисленных сыновей, княгинь и боярынь, многие из которых, не в силах сдержаться, громко хохотали в ответ на скоморошьи шутки и проделки карликов – шутов.

Были среди гостей и послы ляшский, угорский, чешский. Эти держались скромно, в сторонке и лишь натянуто улыбались. Лихие кавказцы – ясы находились тут же, все смуглые, с большими глазами и тонкими усами. Под звон зурны кружились они в залихватском танце, сопровождая движения свои громкими выкриками.

Возле Всеволода-Кирилла разместился датский принц Кнуд Лавард, жених Ингеборг. Светлые волосы его падали на плечи, он был совсем юн и не носил бороды. А может, она у него ещё и не выросла по младости лет. Порой Всеволод-Кирилл и Кнуд Лавард обменивались короткими фразами, сопровождая их выразительными жестами, и, хотя говорил каждый на своём языке, оба отлично понимали друг друга.

Во главе самого большого стола рядом с Момахом и Ярополком расположилась в нарядном шёлковом багрянце молодая невеста – Елена Аланская.

Всеволод-Кирилл бросал на неё взгляды исподлобья, в очередной раз отмечая небывалую красоту аланской княжны. Вот она улыбается чему-то, разговаривая с Момахом, вот что-то тихо приказывает одному из своих слуг, а вот, отбросив смущение, хлопает в ладоши и хохочет громко в ответ на шутки, отпускаемые в меру хмельным Ольбегом Ратиборичем. А вот под крики «Горько!» впивается она жаркими алыми устами в губы Ярополка, и Всеволод-Кирилл отводит очи в сторону, скрывая досаду.

«Почему, почему ему досталась эта неземная красавица?! Чем он меня лучше?!» – сидела занозой в голове мысль.

Кажется, Елена заметила его взгляды, на лице её вмиг пропала улыбка, чело нахмурилось. Вскоре стольник поднёс Всеволоду-Кириллу чару с красным вином, поклонился, промолвил:

– Княгиня Елена угощает.

– Передай: благодарю!

Глянув в очередной раз на красавицу аланку, Ольгович кивнул ей в знак благодарности и осушил чару до дна.

Тут только заметил он невдалеке от себя за столом напротив княгиню Христину, а рядом с ней Ингеборг и Агафью. Последняя как-то искоса, словно изучающе, посматривала на будущего жениха.

Не знал Всеволод-Кирилл, что накануне на женской половине княжеских хором, в бабинце, кипели страсти.

Сперва, как узнала о будущем женихе, вела себя Агафья тихо, спокойно, а тут вдруг вспыхнула, стала кричать и жаловаться матери:

– Не пойду, не пойду за сего толстобрюхого! Стар он для мя!

Тринадцатилетняя девочка, в последнее лето заметно вымахавшая в рост, топала ногами в сафьяновых сапожках и возмущалась:

¹⁴² Ол – пиво.

– Продаёте меня, стойно корову, стойно овцу, ворогу давнему!

Княгиня Христина пыталась урезонить непокорную дочь, говорила веско:

– Ты – не простолюдинка, дочь ты княжеская. И супруг твой тоже должен быть рода княжого. Все так замуж выходили – и я, и моя мать, и твои сёстры. Такой наш крест.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.